

Международный научно-аналитический журнал
Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ

ДИАЛОГ

ПОЛИТИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

International Academic and Analytical Journal
of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations

DIALOGUE

POLITICS, LAW, ECONOMICS

№ 3 (25) • 2026

Санкт-Петербург
Saint Petersburg

**УЧРЕДИТЕЛЬ
МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

191015, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., д. 47
<https://iacis.ru>; kanz@iacis.ru, kia@iacis.ru
Телефон редакции: +7 (812) 404-57-05

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационное свидетельство ПИ №ФС 77-67178 от 16 сентября 2016 г.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

**FOUNDER
INTERPARLIAMENTARY ASSEMBLY OF MEMBER NATIONS
OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES**

191015, Russia, St. Petersburg, Shpalernaya 47
<https://iacis.ru>; kanz@iacis.ru, kia@iacis.ru
Editorial Office: +7 (812) 404-57-05

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.

Registration Certificate PI № FS 77-67178, dated 16 September 2016.

Reproduction of materials from the journal is permitted only
with a reference to the journal.

© ДИАЛОГ: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА, 2026
© DIALOGUE: POLITICS, LAW, ECONOMICS, 2026

ВЫХОД В СВЕТ 29.09.2026. ФОРМАТ 60 × 90 1/8. ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ 25.09.2026.
ПЕЧАТЬ ОФСЕТНАЯ. БУМАГА ОФСЕТНАЯ. ГАРНИТУРА CHARIS SIL.
УСЛ. ПЕЧ. Л. 11. ТИРАЖ 1000 ЭКЗ. ЗАКАЗ № 259.

Отпечатано в ООО «Медиапайр».
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 28, лит. А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194.
Тел.: +7 (812) 987-75-26; mediapapir@gmail.com
www.mediapapir.com; www.mediapapir.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета

МУШКЕТ Иван Ильич, доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ — директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

АБДРАСУЛОВ Ермек Баяхметович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан)

АВАТКОВ Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

АВETИCЯН Ваграм Давидович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения)

АДИЛЬБЕКОВ Даурен Зекенович, доктор экономических наук, профессор, советник директора Института государственного управления и права (Астана, Республика Казахстан)

АНТАНОВИЧ Нина Арсеньевна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

ГАФУРЗОДА Абдухалил Давлатали, доктор юридических наук, профессор, заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской Ассамблеи — полномочный представитель Маджлиси Оли Республики Таджикистан в МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ГРИШИН Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной и прикладной политологии факультета политологии Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Российская Федерация)

ИМАНАЛИЕВ Каныбек Капашович, доктор политических наук, председатель Национального союза писателей Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика)

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, судья Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

КОМИЛБЕК Амид Ербек, доктор политических наук, ректор Хорогского государственного университета им. М. Назаршоева (Хорог, Республика Таджикистан)

НЕЧКИН Андрей Вадимович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционно-го права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Российская Федерация)

ПОПОВА Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий факультета социальных технологий Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РАХМОНЗОДА Зоир Файзали, доктор экономических наук, доцент, ректор Технологического университета Таджикистана (Душанбе, Республика Таджикистан)

РОМАШОВ Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

САИДОВ Акмал Холматович, доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Узбекистан, иностранный член Российской академии наук, депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека (Ташкент, Республика Узбекистан)

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь (Ждановичи, Минская область, Республика Беларусь)

ТКАЧЕНКО Станислав Леонидович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ХАЛИЛОВА Марина Владимировна, доктор экономических наук, доцент, директор Департамента мониторинга и качества Международного Университета Кыргызстана (Бишкек, Кыргызская Республика)

ХЛУТКОВ Андрей Драгомирович, доктор экономических наук, профессор, директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ХУШВАХТЗОДА Кобилджон Хушвахт, доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Таджикистана, президент Национальной академии наук Таджикистана (Душанбе, Республика Таджикистан)

ШУТОВ Андрей Юрьевич, кандидат политических наук, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии — главный редактор

КРАСНОВ Иван Андреевич, кандидат исторических наук, начальник редакционно-издательского отдела информационно-издательского управления Секретариата Совета МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

БАРЫШНИКОВ Дмитрий Николаевич, кандидат политических наук, доцент, заместитель декана, и.о. заведующего кафедрой мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

БОЯШОВ Анатолий Сергеевич, кандидат политических наук, главный советник отдела ЕС и США управления внешней политики Белорусского института стратегических исследований (Минск, Республика Беларусь)

ВАСИЛЬЕВА Елена Васильевна, доктор экономических наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры проектного менеджмента и управления качеством Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ГОРАЕВА Татьяна Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономической безопасности экономического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

ЖАНУЗАКОВА Лейла Тельмановна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного законодательства и государственного управления Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан (Астана, Республика Казахстан)

КОНЮХОВ Станислав Сергеевич, кандидат юридических наук, начальник юридического отдела Секретариата Совета МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ЛЕВИН Роман Юрьевич, кандидат экономических наук, секретарь Постоянной комиссии МПА СНГ по экономике и финансам, ответственный секретарь Экспертного совета по экономике при МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

МАЖИТОВ Бакытбек Омурзакович, кандидат юридических наук, заведующий отделом Комитета по конституционному законодательству, государственному устройству, местному самоуправлению и Регламенту Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, профессор Международного университета им. К. Ш. Токтомаматова (Бишкек, Кыргызская Республика)

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доктор педагогических наук, депутат внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга муниципальный округ Академическое (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ПОДКОРЫТОВА Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела правовой экспертизы Секретариата Совета МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РЕДНИКОВА Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

СУРВИЛАЙТЕ Диана Витаутовна, кандидат политических наук, начальник организационного управления Секретариата Совета МПА СНГ (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

УСТЮКОВА Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Chair of the Editorial Board

MUSHKET Ivan Ilyich, Doctor of Sciences in Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Deputy Head of the IPA CIS Council Secretariat — Director of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of the IPA CIS Member Nations (St. Petersburg, the Russian Federation)

ABDRASULOV Ermek Bayakhmetovich, Doctor of Sciences in Law, Professor, Chief Researcher at the Department of Constitutional Legislation and Public Administration, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, the Republic of Kazakhstan)

ADILBEKOV Dauren Zekenivich, Doctor of Sciences in Economics, Professor, Adviser to the Director, Institute of State Governance and Law (Astana, the Republic of Kazakhstan)

ANTANOVICH Nina Arsenyevna, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Head of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus)

AVATKOV Vladimir Alekseyevich, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Head of the Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, the Russian Federation)

AVETISYAN Vagram Davidovich, Doctor of Sciences in Law, Professor, Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law, Yerevan State University (Yerevan, the Republic of Armenia)

GA FurZODA Abdukhalil Davlatali, Doctor of Sciences in Law, Professor, Deputy Secretary General of the IPA CIS Council — Plenipotentiary Representative of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan to the IPA CIS (St. Petersburg, the Russian Federation)

GRISHIN Nikolai Vladimirovich, Doctor of Sciences in Politics, Professor at the Department of Comparative and Applied Political Science, Faculty of Political Science, Institute of International Relations and Political Sciences, Russian State University for the Humanities (Moscow, the Russian Federation)

IMANALIEV Kanybek Kapashovich, Doctor of Sciences in Politics, Chair of the National Union of Writers of the Kyrgyz Republic (Bishkek, the Kyrgyz Republic)

KHALILOVA Marina Vladimirovna, Doctor of Sciences in Economics, Associate Professor, Director of the Department of Monitoring and Quality, International University of Kyrgyzstan (Bishkek, the Kyrgyz Republic)

KHLUTKOV Andrey Dragomirovich, Doctor of Sciences in Economics, Professor, Director of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, the Russian Federation)

KHUSHVAKHTZODA Kobiljon Khushvakht, Doctor of Sciences in Economics, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

KNYAZEV Sergey Dmitriyevich, Doctor of Sciences in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, the Russian Federation)

KOMILBEK Amid Yorbek, Doctor of Sciences in Politics, Rector, Khorog State University named after M. Nazarshoev (Khorog, the Republic of Tajikistan)

NECHKIN Andrey Vadimovich, Doctor of Sciences in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, the Russian Federation)

POPOVA Olga Valentinovna, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Professor at the Department of Social Technologies, Faculty of Social Technologies, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, the Russian Federation)

RAHMONZODA Zoir Fayzali, Doctor of Sciences in Economics, Associate Professor, Rector, Technological University of Tajikistan (Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

ROMASHOV Roman Anatolyevich, Doctor of Sciences in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, the Russian Federation)

SAFARZODA Bakhtovar Amirali, Doctor of Sciences in Law, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus (Zhdanovichi, Minsk Region, the Republic of Belarus)

SAIDOV Akmal Kholmatovich, Doctor of Sciences in Law, Professor, Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Member of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Director of the National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, the Republic of Uzbekistan)

TKACHENKO Stanislav Leonidovich, Doctor of Sciences in Economics, Associate Professor, Professor at the Department of European Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University (St. Petersburg, the Russian Federation)

SHUTOV Andrei Yuryevich, Candidate of Sciences in Politics (PhD), Doctor of Sciences in History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, the Russian Federation)

EDITORIAL TEAM

Chair of the Editorial Team — Editor-in-Chief

KRASNOV Ivan Andreyevich, Candidate of Sciences in History (PhD), Head of the Editorial and Publishing Department, Information and Publishing Directorate of the IPA CIS Council Secretariat (St. Petersburg, the Russian Federation)

BARYSHNIKOV Dmitriy Nikolayevich, Candidate of Sciences in Politics (PhD), Associate Professor, Deputy Dean, Acting Head of the Department of World Politics, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University (St. Petersburg, the Russian Federation)

BOYASHOV Anatoliy Sergeyevich, Candidate of Sciences in Politics (PhD), Chief Adviser at the EU and US Department, Foreign Policy Directorate, Belarusian Institute for Strategic Studies (Minsk, the Republic of Belarus)

GORAEVA Tatyana Yuryevna, Candidate of Sciences in Economics (PhD), Associate Professor, Head of the Department of Economic Security, Faculty of Economics, Belarusian State University (Minsk, the Republic of Belarus)

KONYUKHOV Stanislav Sergeyevich, Candidate of Sciences in Law (PhD), Head of the Legal Department of the IPA CIS Council Secretariat (St. Petersburg, Russian Federation)

LEVIN Roman Yuryevich, Candidate of Sciences in Economics (PhD), Secretary of the IPA CIS Permanent Commission on Economy and Finance, Executive Secretary of the IPA CIS Expert Advisory Board on Economy (St. Petersburg, the Russian Federation)

MAZHITOV Bakytbek Omurzakovich, Candidate of Sciences in Law (PhD), Head of the Department of the Committee of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic on Constitutional Legislation, State Structure, Local Self-Government and Rules of Procedure, Professor at the International University named after K. Sh. Toktomamatov (Bishkek, the Kyrgyz Republic)

MOKHOROV Dmitriy Anatolyevich, Candidate of Sciences in Law (PhD), Doctor of Sciences in Pedagogy, Deputy of the intra-city municipal formation of the federal city of St. Petersburg, Municipal District Akademicheskoye (St. Petersburg, the Russian Federation)

PODKORYTOVA Olga Vladimirovna, Candidate of Sciences in Law (PhD), Associate Professor, Head of the Legal Expertise Department of the IPA CIS Council Secretariat (St. Petersburg, the Russian Federation)

REDNIKOVA Tatyana Vladimirovna, Candidate of Sciences in Law (PhD), Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, the Russian Federation)

SURVILAITE Diana Vitautovna, Candidate of Sciences in Politics (PhD), Head of the Organizational Department of the IPA CIS Council Secretariat (St. Petersburg, Russian Federation)

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna, Doctor of Sciences in Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, the Russian Federation)

VASILJEVA Elena Vasiljevna, Doctor of Sciences in Economics, Candidate of Sciences in Cultural Studies (PhD), Associate Professor, Professor at the Department of Project Management and Quality Management, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, the Russian Federation)

ZHANUZAKOVA Leila Telmanovna, Doctor of Sciences in Law, Professor, Chief Researcher at the Department of Constitutional Legislation and Public Administration, Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan (Astana, the Republic of Kazakhstan)

С О Д Е Р Ж А Н И Е

CONTENTS

Гришин Н. В. Политико-правовые проблемы реализации пилотных проектов на выборах	9
<i>Grishin N. V.</i> Political And Legal Problems of Pilot Schemes During Elections	

Бурикова И. С. Фальсификация реальности: искусственный интеллект как неочевидная угроза избирательному процессу	17
<i>Burikova I. S.</i> Falsification of reality: artificial intelligence as a non-obvious threat to the electoral process	

Мушкет И. И., Амбурцев Р. А. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств: 35 лет совместного строительства единого правового пространства	24
<i>Mushket I. I., Amburtsev R. A.</i> Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States: 35 Years of Joint Development of a Unified Legal Framework	

Ромашов Р. А. Россия и Содружество Независимых Государств: объективность состояния, субъективность восприятия	36
<i>Romashov R. A.</i> Russia and the Commonwealth of Independent States: Objectivity of the Status, Subjectivity of Perception	

Баранова Т. А., Кобицкий Д. А. Модельное законодательство в механизме экономической интеграции государств — участников Содружества Независимых Государств	44
<i>Baranova T. A., Kobitskiy D. A.</i> Model Legislation in the Mechanism of Economic Integration of the Members States of the Commonwealth of the Independent States	

Нечкин А. В. Выборы главы государства в странах СНГ: избирательные цензы и форма правления	52
<i>Nechkin A. V.</i> Head of State Elections in the CIS Countries: From Electoral Qualifications to Forms of Government	

Иванов О. В., Иванова О. В.

Модель формирования и развития креативных кластеров на территории государств — участников СНГ

60

Ivanov O. V., Ivanova O. V.

Model for the Formation and Development of Creative Clusters in the CIS Member States

Ткаченко С. Л.

Устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса государств — участников СНГ на этапе деглобализации энергетических рынков

71

Tkachenko S. L.

Sustainable Development of the Fuel And Energy Complex of the CIS Member Nations at the Stage of Deglobalization of Energy Markets

Онуфриева О. А.

Модель инвестиционного роста электроэнергетики государств СНГ: возможности и вызовы

79

Onufrieva O. A.

Investment Growth Model for the Electric Power Industry in the CIS Countries: Opportunities and Challenges

УДК 342.843

Политико-правовые проблемы реализации пилотных проектов на выборах

Гришин Н. В.¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

Political And Legal Problems of Pilot Schemes During Elections

Grishin N. V.¹

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, the Russian Federation

Аннотация. Вопрос о политико-правовых проблемах реализации пилотных проектов (экспериментов) на выборах практически не освещен в экспертной и научной литературе. В данной статье систематизируется и анализируется опыт современных государств и применяемые ими подходы к нормативно-правовому обеспечению реализации пилотных проектов на выборах. Охарактеризованы основные политико-правовые риски при тестировании электоральных инноваций. Представленная в статье типология включает три модели нормативно-правового обеспечения проведения экспериментов на выборах. Формальное предоставление избирательным органам определенных прав для проведения пилотных проектов является моделью, подходящей для малозначительных инноваций, относительно которых отсутствуют существенные политические риски. Данная модель способствует наиболее активному проведению избирательными органами экспериментов на выборах. Вторая модель предполагает принятие специальных законов для реализации на выборах конкретных пилотных проектов, что повышает уровень легитимности и снижает политические риски при проведении наиболее сложных и неоднозначных электоральных экспериментов. Данная модель, в частности, может быть признана оптимальной при тестировании новых избирательных систем. Кроме того, рассматривается модель реализации пилотных проектов на официальных выборах без специального законодательного обеспечения. От современных государств требуется повышенное внимание к обеспечению приемлемых и достаточно эффективных нормативно-правовых основ внедрения инноваций на выборах.

Ключевые слова: пилотные проекты, электоральные инновации, инновации, электоральная политика, избирательное право, электоральный менеджмент.

Abstract. The political and legal challenges of implementing pilot schemes (experiments) during elections are largely unaddressed field in expert and academic literature. To fill this gap, this article systematizes and analyzes the experience of contemporary governments and their approaches to the regulatory framework for implementing pilot projects during official elections. The main political and legal risks associated with testing electoral innovations are described. The typology presented in the article includes three models of regulatory framework for conducting electoral experiments. Formally granting certain rights to electoral management bodies to conduct pilot projects is a model suitable for minor innovations that do not pose significant political risks. This model facilitates the most active experimentation by electoral authorities during regular elections. The second model involves the adoption of particular laws for the implementation of specific pilot projects during elections,

which increases legitimacy and reduces political risks during the most complex and controversial electoral experiments. This model, in particular, can be considered optimal for testing new electoral systems. In addition, a model for implementing pilot projects during official elections without special legislative support is being considered. Contemporary governments are required to pay increased attention to ensuring acceptable and sufficiently effective regulatory frameworks for the electoral innovations' implementation.

Keywords: pilot schemes, electoral innovations, innovations, electoral governance, electoral law, electoral management.

Об авторе:

Гришин Николай Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной и прикладной политологии факультета политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация, nvgrishin@mail.ru

About the author:

Grishin Nikolai Vladimirovich — Doctor in Political Science, Professor of the Department of Comparative and Applied Political Science of the Faculty of Political Science of the Russian State University for the Humanities, Moscow, the Russian Federation, nvgrishin@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.09.2026, принят к публикации 22.09.2026
Article received by the editorial office on 01.09.2026, accepted for publication on 22.09.2026

Практика пилотных проектов получила широкое распространение при внедрении и апробировании инноваций в избирательном процессе. Несмотря на многообразие методов предварительного оценивания [1], не может быть достойной альтернативы испытаниям электоральных инноваций на практике. Пилотные проекты на выборах представляют собой испытание технологических, организационных или иных новшеств при проведении выборов на части территории страны в течение определенного времени. Стремительное распространение практики пилотных проектов в электоральной политике происходит с начала XXI в.

Если пилотные проекты реализуются в рамках официальных выборов, то возникают политико-правовые проблемы, связанные с юридической силой результатов выборов на пилотных территориях. Потенциально возможны риски конфликтов и судебного оспаривания [2], которые еще более возрастают, если эксперименты существенно меняют и нарушают предусмотренную законом электоральную процедуру. Такие проблемы отсутствуют, если результаты

экспериментального голосования не имеют официальной силы. Так были организованы пилотные проекты на выборах в Испании в 2003 г. и в Болгарии в 2014 г. В некоторых странах дистанционное электронное голосование тестировалось при проведении референдумов, которые не имели обязательного характера (в Норвегии в 2016 г., в Румынии в 2017 г.), или при избрании органов, не имевших формальных властных полномочий (выборы Совета старейшин г. Орхус в Дании в 2017 г.). Однако подобная практика не может рассматриваться как полноценная апробация электоральных инноваций; в большинстве случаев государства стремятся к апробированию новых избирательных технологий именно во время официальных выборов.

В рамках исследовательского проекта «Управление инновациями в государственной электоральной политике», реализованного на базе Российского государственного гуманитарного университета в 2025 г. (Н. В. Гришин, Н. А. Баранов, И. А. Лавров, Н. А. Антюшин), была систематизирована и типологизирована политика государств по вопросам

нормативно-правового обеспечения пилотных проектов на выборах [3]. Были выделены три основных подхода к решению этой задачи:

1) закрепление в законодательстве прав органов власти реализовывать пилотные проекты на выборах. В данном случае органам власти предоставляются полномочия проводить выборы с отступлением от законных процедур (в установленных рамках);

2) принятие специальных законов для реализации на выборах конкретных пилотных проектов;

3) реализация пилотных проектов на официальных выборах без специального законодательного обеспечения.

1. Закрепление в законодательстве прав органов власти реализовывать пилотные проекты на выборах. Данный подход представлен в Великобритании (в том числе на региональном уровне — в Шотландии и Уэльсе), в канадской провинции Квебек, в американском штате Калифорния, в Боснии и Герцеговине.

В Великобритании на уровне королевства в 2000 г. был принят закон о народном представительстве (Representation of the People Act 2000), в который вошла статья «Пилотные проекты (pilot schemes) для местных выборов в Англии и Уэльсе». Органам власти впервые было официально предоставлено право проводить пилотную проверку новых электоральных процедур во время выборов. Данная реформа стала возможной благодаря разгоревшейся в 1990-е гг. дискуссии о необходимости модернизации системы выборов и внедрения практик «удобного голосования» для решения проблемы падения явки на выборах. Основным инициатором реформы был лейбористский политик Дж. Ховард, который в 1997–1999 гг. занимал пост парламентского заместителя государственного секретаря Министерства внутренних дел Великобритании (Parliamentary Under-Secretary of State for Home Affairs) и руководил рабочей группой по электоральным процедурам при правительстве Т. Блэра. В 1998–1999 гг.

рабочая группа в своих докладах предлагала разрешать проведение пилотных проектов во время выборов. Для принятия решения о пилотном проекте необходимо согласие нескольких инстанций: муниципалитета (от которого должна исходить инициатива), Избирательной комиссии Великобритании (с 2001 г.), Государственного секретаря по вопросам жилищного строительства, общин и местного самоуправления (Secretary of State for Housing, Communities and Local Government). Сразу после принятия закона в Англии чрезвычайно активизировалась практика реализации пилотных проектов: уже в 2000 г. было реализовано 38 пилотных проектов, в 2002 г. — 30, в 2003 г. — 59. В 2004 г. в Великобритании был принят закон о пилотных выборах в Европейский парламент и местные органы власти (The European Parliamentary and Local Elections (Pilots) Act 2004), который еще больше расширил сферу проведения экспериментов. Аналогичные законы, предусматривающие наличие у избирательных органов прав реализовывать пилотные проекты, были приняты в Шотландии (Scottish Local Government (Elections) Act 2002) и Уэльсе (Elections and Elected Bodies (Wales) Act 2024). В частности, в Уэльсе соответствующее решение принимается парламентом Уэльса, министрами Уэльса (кабинетом) и избирательной комиссией. Очевидно, что в современном мире Британия имеет наиболее богатый опыт реализации электоральных пилотных проектов [4; 5]. При этом в Великобритании практически не возникало критических ситуаций и каких-либо негативных политических последствий от этих экспериментов [6].

В Северной Америке данная модель юридического обеспечения пилотных проектов существует в Калифорнии (США) и Квебеке (Канада). В Калифорнии в избирательном законе 2018 г. (California Voter's Choice Act 2018) право принимать решение о пилотном проекте было предоставлено Государственному секретарю штата. При этом закон

определяет, какие процедуры и правила при проведении пилотного проекта должны оставаться неприкосновенными. В Квебеке для проведения пилотного проекта необходимо согласие трех сторон: муниципалитета, в котором будет происходить эксперимент, Министерства муниципальных дел и жилищного строительства Квебека и начальника Главного управления выборов Квебека (Chef de la direction générale des élections du Québec).

В Боснии и Герцеговине в 2024 г. в закон о выборах были внесены две статьи, специально посвященные пилотным проектам. В отличие от западных стран, здесь в принятии решений о реализации пилотных проектов участвует только один орган — Центральная избирательная комиссия страны.

Наличие у органов власти предусмотренного законом права реализации пилотных проектов на выборах является хорошо зарекомендовавшей себя моделью. На практике эта модель никогда не приводила к каким-то серьезным проблемам, связанным с оспариванием результатов голосования. Поскольку обычно для принятия решения о проведении пилотного проекта требуется согласие нескольких независимых друг от друга инстанций, соответствующие решения принимаются взвешенно и не связаны с вопросами, по которым в обществе существует значительный раскол. Можно предположить, что именно эта модель также способствует наиболее активному проведению экспериментов на выборах.

2. Принятие специальных законов для реализации на выборах конкретных пилотных проектов. Данная модель предполагает, что органы власти должны предпринимать больше усилий для юридического обеспечения пилотных проектов, отражать каждый из пилотных проектов на уровне обычных законов. Практика подтверждает, что к данной модели обычно прибегают, когда речь заходит не о частичном изменении отдельных электоральных процедур, а о более серьезных изменениях, в частности — об

апробировании новой избирательной системы. Такой подход предусмотрен в Финляндии [7], на Филиппинах, в американских штатах Гавайи, Вирджиния, Юта. Этот подход был применен в Российской Федерации при первом официальном использовании дистанционного электронного голосования на выборах в Московскую городскую Думу в 2019 г., в Казахстане при реализации пилотных проектов по прямым выборам акимов районов в 2023 г.

На Филиппинах специальный закон был принят для апробирования на выборах 2022 г. смешанной избирательной системы в четырех районах страны.

В штате Гавайи неоднократно принимались специальные законы для реализации пилотных проектов на местных выборах. Так, в 2012 г. представительный орган штата принял закон о проведении эксперимента с почтовым голосованием на острове Ниихау, в 2018 г. — закон о введении возможности голосования по почте только в округе Кауаи и только на одних выборах.

В штатах Вирджиния и Юта были приняты специальные законы о конкретном пилотном эксперименте, которые стали отдельными разделами в кодексах этих штатов. В обоих случаях эти законы были посвящены возможности использования избирательной системы рейтингового голосования (ranked-choice voting) на местных выборах на определенный период. Данная избирательная система в XXI в. активно продвигается в США сетью общественных организаций и отдельных политиков. В штате Вирджиния возможность использования системы рейтингового голосования на местных выборах была введена в 2020 г. на период до 2021 г., в штате Юта соответствующий эксперимент введен в 2022 г. на период до 2026 г.

В России специальные законы принимались для тестирования одной из наиболее сложных и потенциально рискованных электоральных инноваций — введения интернет-голосования [8; 9; 10, с. 952]. Первое официальное применение

дистанционного электронного голосования в стране состоялось в 2019 г. Оно происходило на уровне субъекта Федерации, однако сопровождалось внесением сложных изменений в законодательство как федерального, так и регионального уровней. На федеральном уровне были приняты два специальных закона: № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» и № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года». Характерно, что в данных законах прямо фиксировалось и легитимировалось частичное отступление от предусмотренных в обычных избирательных законах электоральных процедур: было оговорено, что избирательное законодательство при реализации данного эксперимента будет применяться «в части, не противоречащей законодательству, регламентирующему порядок проведения эксперимента». Принятие данных нормативных правовых актов на федеральном уровне обусловлено тем, что в России основные электоральные процедуры, связанные с реализацией избирательных прав граждан, установлены на уровне федеральных законов. На уровне субъекта Федерации был принят Закон города Москвы № 18 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва».

В 2023 г. в Казахстане в 42 районах страны был реализован пилотный проект по проведению прямых выборов

акимов районов. Для осуществления эксперимента были внесены изменения в законодательство о выборах и о местном государственном управлении и самоуправлении, которые установили возможность прямых выборов данных должностных лиц.

Модель, предусматривающая внесение изменений в избирательное право при проведении каждого конкретного пилотного проекта, существенно осложняет проведение экспериментов и апробирование новых избирательных технологий. Однако данная модель обеспечивает более надежные нормативно-правовые основы и защиту от возможного судебного оспаривания результатов выборов.

3. Реализация пилотных проектов на официальных выборах без специального законодательного обеспечения. Эта модель, предполагающая наиболее высокие политические риски, применяется в отдельных случаях. В данном случае реализация пилотного проекта осуществляется по решению органов власти, отражается в подзаконных актах.

Так, в Норвегии в 2013 г. в качестве нормативно-правовой основы проведения эксперимента с дистанционным электронным голосованием был принят акт подзаконного уровня — Министерство местного самоуправления и регионального развития утвердило документ «Правила, касающиеся пробного интернет-голосования в период предварительного голосования и использования электронных списков избирателей на избирательных участках в день выборов во время парламентских выборов 2013 года в отдельных муниципалитетах» [11, р. 3]. Этот документ содержал пояснения в отношении изменения традиционных электоральных процедур при голосовании с помощью интернета.

Примером применения данной модели являются также пилотные проекты в Кыргызстане в 2023 г. по внедрению интернет-голосования для проживающих за рубежом граждан. Эксперименты были реализованы в двух районах

страны. Нормативно-правовой основой выступил Указ Президента Кыргызской Республики от 8 августа 2023 г. № 183.

В Узбекистане в 2024 г. на 10 избирательных участках столицы состоялось тестирование электронного голосования. Эксперимент был проведен на основании постановления Центральной избирательной комиссии страны от 12 октября 2024 г., при этом гражданам была предоставлена возможность выбора — использовать традиционный бюллетень или электронное устройство.

В России в отдельных случаях также применяется данная модель. В частности, если нововведения не были связаны с изменением предусмотренных в законе электоральных процедур, они регулировались актами избирательных органов. Так, эксперименты по испытанию технологии «Интерактивный рабочий блокнот УИК» и ее версии «Мобильный ИРБ УИК» на выборах 2023 г. регулировались постановлениями ЦИК России.

Выбор той или иной модели нормативно-правового обеспечения пилотных проектов значим не только для защиты результатов выборов от возможного судебного оспаривания, но и для иных вопросов. Как правило, проведение пилотных проектов на выборах предполагает значительные бюджетные расходы [12]. Так, в Норвегии на пилотные проекты по тестированию дистанционного электронного голосования за 2008–2011 гг. было потрачено 25 млн евро [13], в Италии стоимость пилотных проектов по апробированию новой

системы подсчета голосов в 2000-е гг. превышала 34 млн евро. Корректное решение вопроса о нормативно-правовых основах таких экспериментов снимает возможные сомнения относительно целевого расходования избирательными органами бюджетных средств.

От современных государств в условиях возросших темпов обновления избирательных систем и внедрения новых избирательных технологий требуется повышенное внимание к обеспечению безопасности избирательного процесса [14; 15; 16] и созданию достаточных нормативно-правовых основ для таких экспериментов. В рамках предложенной нами типологии моделей нормативно-правового обеспечения пилотных проектов на выборах первые две модели являются сопоставимыми по своей приемлемости. Можно предположить, что они обеспечивают достаточные условия для апробирования электоральных инноваций. Первая из этих моделей, предусматривающая предоставление избирательным органам определенной свободы действий для проведения пилотных проектов, подходит для малозначительных инноваций, относительно которых отсутствуют существенные политические риски. Вторая модель, обязывающая принимать специальные законы, ограничивающие традиционные электоральные процедуры во время эксперимента, оправдана при наличии существенных политических рисков, а также для тестирования значительных инноваций, в частности избирательных систем.

Библиографический список

1. Каплюк М. А., Кашина А. А. Инновационные цифровые технологии в избирательном процессе: политико-правовая характеристика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 204–211.
2. Антюшин Н. А. Факторы доверия инновациям технического характера в избирательном процессе в России: взгляд через призму экспертного опроса // Политика и общество. 2025. № 2. С. 176–190. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74628.
3. Гришин Н. В., Баранов Н. А., Антюшин Н. А. Управление инновациями в государственной электоральной политике. Москва: КДУ, 2025. 149 с.
4. Гришин Н. В. Модели электорального менеджмента: проблемы типологии // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2025. № 3. С. 177–195. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-177-195.

5. Гришин Н. В., Линдерс А. М. Р. История международного наблюдения за выборами // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 87. С. 129–135. DOI: 10.17223/19988613/87/15.
6. Turnbull-Dugarte S., Devine D. Support for Digitising the Ballot Box: A Systematic Review of I-Voting Pilots And a Conjoint Experiment // Electoral Studies. 2023. Vol. 86. DOI: 10.1016/j.electstud.2023.102679.
7. A Report on the Finnish E-Voting Pilot / ed. by A. Vähä-Sipilä. URL: <https://verifiedvoting.org/wp-content/uploads/2020/07/Finland-2008-EFFI-Report.pdf>.
8. Баранов Н. А. Электоральные новации в Российской Федерации в контексте дистанционного электронного голосования // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 17–30. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-17.
9. Лавров И. А. Дистанционное электронное голосование в публичном цифровом пространстве: анализ тональности и базовых нарративов // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 4. С. 64–73. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-4-64-73.
10. Попова О. В. Электронная система голосования: практики, политические эффекты и риски // Социальные изменения в глобальном мире: материалы четвертой международной научной конференции. Штип: Университет им. Гоце Делчева, 2017. С. 949–966.
11. Markussen R., Ronquillo L., Schürmann C. Trust in Internet Election Observing the Norwegian Decryption and Counting Ceremony // 2014 6th International Conference on Electronic Voting: Verifying the Vote (EVOTE). Pp. 1–8. DOI: 10.1109/EVOTE.2014.7001137.
12. Лавров И. А. Управление электоральными инновациями в условиях цифровизации. На примере дистанционного электронного голосования в России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2026. № 1. С. 112–132. DOI: 10.30570/2078-5089-2026-120-1-112-132.
13. The Status of Internet Voting in Norway / project manager H. Nore. URL: <https://rm.coe.int/168059c065>.
14. Амбурцев Р. А., Еременко Е. В., Мушкет И. И. Конвенция Содружества Независимых Государств о стандартах демократических выборов: открытое пространство международного сотрудничества // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 10. С. 168–184.
15. Амбурцев Р. А., Еременко Е. В., Мушкет И. И. Международный семинар «Защита электорального суверенитета государств — участников МПА СНГ» // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 10. С. 133–145.
16. Гришин Н. В. Рекомендации международных наблюдателей на выборах: принуждение или авторитет? // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2025. № 4. С. 130–158. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-4-130-158.

References

1. Kaplyuk M. A., Kashina A. A. Innovative Digital Technologies in the Electoral Process: Political and Legal Characteristics. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*, 2025, no. 2, pp. 204–211. (In Russ.)
2. Antjushin N. A. Factors of Trust in Technical Innovations in the Electoral Process in Russia: A Look Through the Prism of an Expert Survey. *Politics and Society*, 2025, no. 2, pp. 176–190. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74628. (In Russ.)
3. Grishin N. V., Baranov N. A., Antjushin N. A. *Innovation Management in Public Electoral Policy*. Moscow: KDU, 2025. 149 p. (In Russ.)
4. Grishin N. V. Electoral Management Models: Problems of Typology. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 2025, no. 3, pp. 177–195. DOI: 10.30570/2078-5089-2025-118-3-177-195. (In Russ.)
5. Grishin N. V., Leenders A. M. R. History of International Election Observation. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2024, no. 87, pp. 129–135. DOI: 10.17223/19988613/87/15. (In Russ.)
6. Turnbull-Dugarte S., Devine D. Support for Digitising the Ballot Box: A Systematic Review of I-Voting Pilots and a Conjoint Experiment. *Electoral Studies*, 2023, vol. 86. DOI: 10.1016/j.electstud.2023.102679.
7. *A Report on the Finnish E-Voting Pilot*. Ed. by A. Vähä-Sipilä URL: <https://verifiedvoting.org/wp-content/uploads/2020/07/Finland-2008-EFFI-Report.pdf>.

8. Baranov N. A. Electoral Innovations in the Russian Federation in the Context of Remote Electronic Voting. *Social and Political Studies*, 2024, no. 3 (24), pp. 17–30. DOI: 10.20323/2658–428X-2024–3–24–17. (In Russ.)
9. Lavrov I. A. Remote Electronic Voting in the Public Digital Space: Analysis of Tonality and Underlying Narratives. *Digital Sociology*, 2025, vol. 8, no. 4, pp. 64–73. DOI: 10.26425/2658–347X-2025–8–4–64–73. (In Russ.)
10. Popova O. V. Electronic Voting System: Practices, Political Effects, and Risks. *Social Changes in the Global World: Proceedings of the Fourth International Scientific Conference*. Shtip: Gotse Delchev University, 2017. Pp. 949–966. (In Russ.)
11. Markussen R., Ronquillo L., Schürmann C. Trust in Internet Election Observing the Norwegian Decryption and Counting Ceremony. *2014 6th International Conference on Electronic Voting: Verifying the Vote (EVOTE)*, pp. 1–8. DOI: 10.1109/EVOTE.2014.7001137.
12. Lavrov I. A. Managing Electoral Innovation in the Context of Digitalization: A Case Study of Remote Electronic Voting in Russia. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*. 2026, no. 1, pp. 112–132. DOI: 10.30570/2078–5089–2026–120–1–112–132. (In Russ.)
13. *The Status of Internet Voting in Norway*. Project manager H. Nore. URL: <https://rm.coe.int/168059c065>. (In Russ.)
14. Amburtsev R. A., Yeremenko Ye. V., Mushket I. I. Convention of the Commonwealth of Independent States on Standards of Democratic Elections: An Open Space for International Cooperation. *Legal Science: History and the Presence*, 2022, no. 10, pp. 168–184. (In Russ.)
15. Amburtsev R. A., Yeremenko Ye. V., Mushket I. I. International seminar “Protection of the Electoral Sovereignty of Member Nations of the IPA CIS”. *Legal Science: History and the Presence*, 2023, no. 10, pp. 133–145. (In Russ.)
16. Grishin N. V. Recommendations of International Election Observers: Coercion or Authority? *Bulletin of Moscow University. Series XXV. International Relations and World Politics*, 2025, no. 4, pp. 130–158. DOI: 10.48015/2076–7404–2025–17–4–130–158. (In Russ.)

УДК 324:004.8:159.9

Фальсификация реальности: искусственный интеллект как неочевидная угроза избирательному процессу

Бурикова И. С.¹

¹ Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Falsification of reality: artificial intelligence as a non-obvious threat to the electoral process

Burikova I. S.¹

¹ North-Western Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. Статья посвящена анализу неочевидных угроз, которые искусственный интеллект создает для избирательного процесса и когнитивной безопасности общества. Наряду с очевидными угрозами (дипфейками, армиями ботов, генерацией неограниченного объема информации) формируются более глубокие и менее заметные риски. Это искажение политического ландшафта, подрыв доверия к реальности, сама фальсификация реальности как новая форма информационного воздействия. Если еще недавно в научный оборот был введен термин «постправда», обозначающий ситуацию преобладания эмоций над объективными фактами, то сегодня можно говорить о формировании «постреальности» — целостной фейковой реальности, конструируемой искусственным интеллектом. Особое внимание уделяется психологическим последствиям информационной перегрузки: когнитивной апатии избирателей, утрате способности к критическому осмыслению информации, нежеланию думать. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего такие правовые меры, как неотвратимость ответственности, цифровая подпись и маркировка контента, а также образовательные инициативы по формированию психогигиены и навыков критического мышления на всех уровнях образования, начиная с дошкольного. Делается вывод о том, что ключевым фактором противодействия неочевидным угрозам искусственного интеллекта является когнитивная подготовка граждан как основа психологической безопасности в условиях цифровой реальности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, избирательный процесс, фальсификация реальности, эпоха постправды, постреальность, когнитивная безопасность, информационная перегрузка, критическое мышление.

Abstract. The article is devoted to the analysis of non-obvious threats posed by artificial intelligence to the electoral process and the cognitive security of society. Alongside obvious threats (deepfakes, bot armies, generation of unlimited volumes of information), deeper and less noticeable risks are emerging. These include distortion of the political landscape, undermining trust in reality, and the very fabrication of reality as a new form of information influence. Until recently, the term «post-truth» was

introduced into academic discourse to denote a situation where emotions prevail over objective facts. Today, however, we can speak of the emergence of «post-reality» — a holistic fake reality constructed by artificial intelligence. Special attention is paid to the psychological consequences of information overload: cognitive apathy among voters, loss of the ability to critically evaluate information, and reluctance to think. The article substantiates the need for a comprehensive approach that combines legal measures — such as the inevitability of accountability, digital signatures, and content labeling — as well as educational initiatives aimed at fostering information hygiene and critical thinking skills at all levels of education, starting from preschool. It is concluded that the key factor in countering the non-obvious threats posed by artificial intelligence is the cognitive preparation of citizens as the foundation of psychological security in the digital reality.

Keywords: artificial intelligence, electoral process, fabrication of reality, post-truth era, post-reality, cognitive security, information overload, critical thinking.

Об авторе:

Бурикова Инга Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент факультета социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

About the author:

Burikova Inga Sergeevna — PhD in Psychology, Associate Professor at the Faculty of Social Technologies, North-Western Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, the Russian Federation

Материал поступил в редакцию 14.07.2026, принят к публикации 17.08.2026
Article received by the editorial office on 14.07.2026, accepted for publication on 17.08.2026

Введение

Современный этап развития информационных технологий характеризуется стремительным внедрением систем искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общественной жизни. Политическая коммуникация и избирательные процессы не являются исключением. Технологические инновации открывают новые возможности для взаимодействия с избирателями, персонализации агитации и оптимизации управленческих решений. Однако, наряду с очевидными позитивными эффектами, использование ИИ порождает риски, которые

носят фундаментальный, цивилизационный характер. Наиболее опасные последствия применения ИИ связаны не с прямыми манипуляциями (дипфейки, боты), а с постепенным изменением когнитивной среды и самой структуры восприятия реальности избирателями. Современный избиратель сталкивается не просто с потоком недостоверных сведений, но с системной «фальсификацией реальности», которая формирует искаженную картину мира и подрывает способность к рациональному политическому выбору.

1. Искусственный интеллект как когнитивное оружие: масштаб угрозы

По своему значению и масштабу влияния искусственный интеллект

в сфере когнитивного воздействия сопоставим с атомным оружием в эпоху

индустриальных войн. Данное сравнение выбрано не случайно и отражает глубину происходящих перемен. Появление ядерного оружия ознаменовало собой переход к новому типу противостояния, где разрушительная сила стала невидимой, но абсолютной. Человечество было вынуждено в срочном порядке осваивать способы взаимодействия с радиацией, разрабатывать меры защиты и протоколы противодействия. То же самое нужно понять относительно информации в эпоху искусственного интеллекта. Мы имеем дело с оружием, поражающим не физические тела, а сознание, восприятие и саму способность человека отличать истину от вымысла.

Фактически речь идет о новых когнитивных угрозах, которые направлены на трансформацию когнитивных процессов человека, обеспечивающих получение, обработку и оценку информации. К числу таких процессов относятся восприятие, память, внимание, мышление [1, с. 1–176]. Когнитивная угроза представляет собой вмешательство в эти базовые ментальные механизмы, в результате которого человек утрачивает способность к самостоятельной верификации информации, начинает полагаться на внешние, искусственно навязываемые шаблоны интерпретации. Таким образом, человек принимает решения на основании не реального положения дел, а сконструированной виртуальной среды. Цель когнитивного воздействия в данном контексте заключается не в том, чтобы убедить избирателя в чем-то конкретном, а в том, чтобы лишить его самой возможности рациональной оценки, заместив аналитическую работу эмоциональными и интуитивными откликами, которые легче поддаются внешнему управлению.

Следует разграничивать два уровня когнитивных угроз. Первый уровень — это очевидные угрозы, которые уже достаточно хорошо изучены и идентифицированы. К ним относятся технологии создания дипфейков, позволяющие генерировать видео- и аудиоматериалы с высокой степенью реалистичности, а также использование армий ботов для искусственного раздувания информационных поводов и создания видимости общественной поддержки тех или иных идей [2, с. 37–49]. Еще недавно задача создания и координации действий сетевых троллей требовала значительных организационных и аналитических усилий. Сегодня же технологии генеративного ИИ позволяют производить контент в таких объемах, которые делают традиционные методы обнаружения малоэффективными. Однако ключевая опасность кроется на втором, неочевидном уровне. Данные угрозы сложны для идентификации именно потому, что они действуют не на уровне содержания сообщений, а на уровне когнитивных установок и стратегий обработки информации. Они действуют постепенно, исподволь, изменяя сам способ восприятия реальности и формируя новую когнитивную среду обитания человека, в которой привычные критерии истинности перестают работать. Если очевидные угрозы можно фиксировать и даже блокировать техническими средствами, то неочевидные угрозы, будучи интегрированными в саму информационную среду, становятся неотличимыми от ее фона, и именно поэтому они представляют наибольшую опасность для долгосрочной стабильности как информационного пространства в целом, так и избирательных институтов в частности.

2. Информационная перегрузка населения

Современный человек оказывается в условиях перманентного информационного цунами, когда объемы поступающих сведений многократно превышают

физиологические возможности их обработки. Это приводит к тому, что механизмы рационального анализа блокируются, а на первый план выходят

эмоциональные и интуитивные реакции. В научной литературе данное состояние описывается как благоприятная почва для феномена «постправды» — ситуации, при которой объективные факты имеют меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям. В условиях постправды человек ориентируется не на проверку достоверности информации, а на ее соответствие уже сформированным стереотипам и на эмоции. Общественный дискурс все чаще строится на повторяющихся лозунгах и ярких образах, а граница между реальностью и вымыслом стирается [3, с. 13–21].

Уязвимость населения перед когнитивными угрозами на современном этапе усиливается, так как нет системной подготовки граждан к жизни в условиях информационной перегрузки. В системе среднего образования отсутствуют дисциплины, аналогичные «психогигиене» или «информационной безопасности» в ее широком, не техническом понимании. Например, проблематика защиты персональных данных, безусловно, важная, нередко подменяет собой более глубокое содержание информационной безопасности. В массовом дискурсе

акцент на шифровании и контроле за цифровыми следами нередко выполняет функцию психологического отвлечения, создавая у граждан иллюзию управляемости рисками. При этом базовые когнитивные навыки работы с информацией — критическое мышление, проверка источников, понимание логики, алгоритмов выстраивания аргументации, получения рекомендаций — остаются системно невостребованными. В результате формируется ложное чувство защищенности: человек полагает, что раз его личные данные надежно зашифрованы, то он в безопасности и от информационных манипуляций. Однако практика показывает, что отсутствие навыков критического анализа и элементарной информационной гигиены делает человека уязвимым для когнитивных воздействий независимо от степени защищенности его персональных данных. Информационная грамотность, понимание механизмов и алгоритмов работы генеративных моделей должны стать такой же базовой компетенцией, как умение читать и писать. Сегодня эта задача не находит системного решения ни на уровне школьных программ, ни в рамках дополнительного просвещения взрослого населения.

3. Трансформация политического ландшафта под влиянием ИИ

Одной из главных неочевидных угроз искусственного интеллекта для избирательного процесса является системное искажение политического ландшафта. Под политическим ландшафтом в контексте данной статьи понимается совокупность реально существующих политических субъектов (партий, кандидатов, общественных движений), их публичных позиций, численности членов и уровня поддержки, программ, а также восприятие этих субъектов и расстановки сил в массовом сознании избирателей. Благодаря возможности генерировать бесконечное количество сообщений от имени неограниченного числа виртуальных авторов, ИИ создает принципиально

новую среду, в которой сам факт присутствия множества сторонников той или иной идеи перестает быть проверяемым (верифицированным). Избиратель не может определить: где реальная поддержка кандидата/партии реальными людьми, а где искусственно сконструированная видимость. Данная неопределенность ведет к разрушению нормальной конкурентной среды, где сила аргументов должна конкурировать с силой других аргументов, а не с силой симуляции (подмены реальности).

Одновременно с этим происходит упрощение восприятия политической реальности. Сложные, многоплановые программы и идеологии редуцируются

до бинарных оппозиций «свой — чужой», «хорошо — плохо», «да — нет». Это явление, обозначаемое в научной литературе как «бинаризация мышления» [4, с. 52–55], лишает избирателя способности видеть нюансы и полутона, которые и составляют суть реальной политической конкуренции. В результате избиратель утрачивает ориентиры и самостоятельность суждений, что

подрывает саму суть демократической процедуры выбора. Особую опасность представляет то обстоятельство, что данное искажение происходит не в результате целенаправленной кампании, а как побочный эффект функционирования самой экосистемы ИИ, где алгоритмы естественным образом способствуют поляризации и упрощению дискурса [5, с. 474–494].

4. От «постправды» к «постреальности» и созданию фальсифицированных миров

Вторым критическим последствием неочевидных угроз является фундаментальный подрыв доверия к реальности как таковой. Поток дипфейков и недостоверной информации достигает такой интенсивности, что проблема заключается уже не в идентификации отдельного фейка, а в невозможности верифицировать информацию в принципе. Специалисты все чаще говорят о формировании целостных фейковых реальностей, которые охватывают не отдельные факты, а целые событийные ряды и исторические контексты. Это переход на качественно новый уровень информационного воздействия.

Если термин «постправда» описывал ситуацию, где эмоции доминируют над фактами, то современная ситуация требует введения нового

понятия — «постреальность» (или «фальсифицированная реальность»). Постреальность представляет собой конструкт, в котором искусственный интеллект создает альтернативные миры, неотличимые от подлинного по степени детализации и внутренней логики [6, с. 110–121]. В эпоху постправды общественный дискурс лишь игнорировал объективные факты, а в эпоху постреальности эти факты при минимальных трудозатратах заменяются искусственно сгенерированными симулякрами, имеющими собственную доказательную базу. Избиратель, лишенный возможности опереться на проверенные источники, вынужден принимать решения в условиях тотальной неопределенности, что делает его поведение эмоциональным и реактивным, а значит, легко управляемым извне.

5. Последствия информационной перегрузки — когнитивная апатия

Информационная перегрузка, порождаемая технологиями ИИ, имеет конкретные психологические последствия, которые напрямую влияют на электоральное поведение. Ключевым из них является нарастание когнитивной апатии. Человек, сталкивающийся с информационным потоком, который невозможно осмыслить в полном объеме, испытывает состояние фрустрации и бессилия. Возникает эффект «паралича анализа»,

когда избыточность вариантов и мнений блокирует способность к принятию решений. Как образно отмечается в научной литературе, попытка «засыпать» человека информацией — эффективный способ прекратить с ним диалог, поскольку любой сложный вопрос тонет в обилии несвязных данных [7, с. 1–178].

Важнейшее негативное последствие информационной перегрузки — формирование устойчивого нежелания думать,

то есть отказ от критической оценки информации. Когда когнитивные ресурсы исчерпаны, человек переходит на режим автоматического восприятия, доверяя первым попавшимся ярлыкам и штампам. Это состояние делает избирателя крайне податливым к внушению и манипуляции. Таким образом, информационная перегрузка выступает не просто как техническая проблема, но как инструмент подавления политической воли, который может быть значительно эффективнее, чем прямая

цензура или даже откровенная дезинформация. Такой инструмент не запрещает информацию, он лишает ее смысла, превращая общественное пространство в шумовой фон, где значимые сообщения тонут в массиве второстепенного и сгенерированного контента. В результате у избирателя формируется устойчивое ощущение бессмысленности любого политического участия, поскольку «все равно ничего не понять», что напрямую снижает явку и подрывает легитимность выборов.

6. Комплексный подход противодействия угрозам и когнитивная подготовка

Противостояние рассмотренным угрозам требует объединения усилий в следующих направлениях. Во-первых, это правовое регулирование и технологические решения. Необходимо законодательное закрепление правил маркировки контента, созданного с использованием ИИ, внедрение механизмов верификации источников, а также установление неотвратимой юридической ответственности за злонамеренное использование генеративных моделей для вмешательства в избирательный процесс. Важно понимать, что правовое регулирование всегда будет отставать от технологического развития, поэтому полагаться исключительно на законодательные запреты было бы стратегической ошибкой.

Второе и, возможно, главное направление — это когнитивная подготовка населения, формирование культуры психогигиены и критического мышления. Данная задача должна быть возложена на систему образования на всех уровнях — от дошкольных учреждений до высших учебных заведений. Речь идет не о технических навыках работы с цифровыми

платформами, а о развитии устойчивого иммунитета к манипуляциям, способности распознавать логические ошибки, проверять источники и оценивать информацию в контексте. Формирование навыков критического осмысления действительности должно стать приоритетом государственной политики в области образования и информационной безопасности. Не менее важно организовать просветительскую работу среди взрослого населения — избирателей, которые уже вышли из системы формального образования, но ежедневно подвергаются массивному информационному воздействию. Только сочетание юридических барьеров с воспитанием когнитивно устойчивой личности позволит обществу адаптироваться к новой реальности, где искусственный интеллект перестает быть инструментом в руках человека, а становится самостоятельным фактором формирования общественного сознания, требующим новых навыков навигации (умения ориентироваться в новых информационных потоках и критически оценивать получаемую информацию).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что искусственный

интеллект создает для избирательного процесса не только очевидные,

но и глубокие неочевидные угрозы, связанные с трансформацией когнитивной сферы и восприятия реальности как таковой. Механизмы симуляции общественного мнения и создания альтернативных реальностей подрывают основы рациональной политической конкуренции и доверия к институтам. Переход от «эпохи постправды» к «эпохе постреальности» означает, что общество сталкивается с феноменом тотальной фальсификации информационной среды.

В этих условиях ключевыми факторами выживания и сохранения демократических процедур становятся жесткое правовое регулирование технологического сектора, а также системная работа по когнитивной подготовке и просвещению граждан. Умение критически мыслить и работать с информационными потоками должно стать базовой компетенцией XXI в., без которой полноценная реализация избирательных прав будет невозможна.

Библиографический список

1. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1984. 176 с.
2. Литаш-Сорокина Е. А. Искусственный интеллект и дипфейки: вызовы и перспективы // Государственная служба. 2025. Т. 27, № 3. С. 37–50. EDN HNSWCA.
3. Бурикова И. С., Коновалова М. А., Пушкина М. А. Психология пост-правды для работы с населением в кризисных (конфликтных) ситуациях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2024. № 1. С. 13–21.
4. Воробьева Е. Ю. Бинарность как инструмент мышления // Вестник Омского университета. 2003. № 1. С. 52–55.
5. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития искусственного интеллекта и нейросетевых технологий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20, № 3. С. 474–494. DOI: 10.21638/spbu23.2024.307.
6. Дмитриев О. А., Евстафьев Д. Г. От постправды к постреальности. Кризис глобализации, конкуренция ценностей и столкновение цивилизаций // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 4 (128). С. 110–121. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121.
7. Rutkowski A.-F., Saunders C. Emotional and Cognitive Overload: The Dark Side of Information Technology. New York: Routledge, 2018. 178 p. ISBN 978-1-351-68248-0.

References

1. Ganzen V. A. *Systemic Descriptions in Psychology*. Leningrad: Leningrad University Press, 1984. 176 p. (In Russ.)
2. Litash-Sorokina E. A. Artificial Intelligence and Deepfakes: Challenges and Prospects. *Public Service*, 2025, vol. 27, no. 3, pp. 37–50. EDN HNSWCA. (In Russ.)
3. Burikova I. S., Konovalova M. A., Pushkina M. A. The Psychology of Post-Truth for Working with the Population in Crisis (Conflict) Situations. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. Series: Cognition, 2024, no. 1, pp. 13–21. (In Russ.)
4. Vorobyova E. Yu. Binarity as a Tool of Thinking. *Herald of Omsk University*, 2003. no. 1, pp. 52–55. (In Russ.)
5. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Pechenkin N. M. Risks, Threats, and Challenges of Modern Socio-political Communications in the Context of Artificial Intelligence and Neural Network Technologies. *Political Expertise: POLITEX*, 2024, vol. 20, no. 3, pp. 474–494. DOI: 10.21638/spbu23.2024.307. (In Russ.)
6. Dmitriev O. A., Evstafiev D. G. From Post-truth to Post-reality: The Crisis of Globalization, Competition of Values, and Clash of Civilizations. *Russia in Global Affairs*, 2024, vol. 22, no. 4 (128), pp. 110–121. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121. (In Russ.)
7. Rutkowski A.-F., Saunders C. *Emotional and Cognitive Overload: The Dark Side of Information Technology*. New York: Routledge, 2018. 178 p. ISBN 978-1-351-68248-0.

УДК 341.16

Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств: 35 лет совместного строительства единого правового пространства

**Мушкет И. И.¹
Амбурцев Р. А.¹**

¹ Секретариат Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States: 35 Years of Joint Development of a Unified Legal Framework

**Mushket I. I.¹
Amburtsev R. A.¹**

¹ Secretariat of the Council of the IPA CIS, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. В статье анализируется опыт МПА СНГ в создании единого правового пространства на территории СНГ. Исследуя понятия «модельное законодательство» и «модельный закон» с точки зрения позитивного права, авторы приходят к выводу, что Межпарламентская Ассамблея СНГ создает не законы, а нормы, которые содержат в себе модели будущих государственных нормативных актов, и предлагают собственное определение модельного акта МПА СНГ, а также классификацию исторических этапов нормотворческой работы Ассамблеи. В исследовании рассматривается процедура модельного нормотворчества в рамках МПА СНГ и приводятся сведения об имплементации модельных актов национальными парламентами.

Ключевые слова: модельное нормотворчество, модельный нормативно-правовой акт, МПА СНГ, межпарламентское взаимодействие, гармонизация законодательства.

Abstract. The article examines the experience of the IPA CIS in development of a unified legal framework within the CIS region. By analyzing the concepts of “model legislation” and “model law” from the perspective of positive law, the authors conclude that The CIS Interparliamentary Assembly do not create laws, but norms that contain models of future state regulations, put forward their own definition of an IPA CIS model act and outline a classification of the historical stages of the Assembly’s regulatory work. The study examines the procedure of model rulemaking within the framework of the IPA CIS and provides information on the implementation of model acts by national parliaments.

Keywords: model rulemaking, model regulatory legal act, IPA CIS, interparliamentary cooperation, harmonization of legislation.

Об авторах:

Мушкет Иван Ильич — доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ — директор Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения

избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, mii@iacis.ru

Амбурцев Роман Альбертович — начальник отдела аналитики и мониторинга выборов Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ara1@iacis.ru

About the authors:

Mushket Ivan Ilyich — Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Deputy Head of the Secretariat of the Council of the IPA CIS — Director of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations, St. Petersburg, the Russian Federation, mii@iacis.ru

Amburtsev Roman Albertovich — Head of the Department of Analytics and Monitoring of Elections of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations, St. Petersburg, the Russian Federation, ara1@iacis.ru

Материал поступил в редакцию 01.09.2026, принят к публикации 14.09.2026
Article received by the editorial office on 01.09.2026, accepted for publication on 14.09.2026

Введение

В 1992 г. новые независимые государства столкнулись с необходимостью формирования механизмов взаимодействия. Правовые системы стран, возникших после распада Советского Союза, оказались разобщены, что создавало препятствия для экономического сотрудничества, защиты прав граждан и решения общих проблем. В таких условиях учреждение Алма-Атинским соглашением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (МПА СНГ) 35 лет назад стало дальновидным шагом, создавшим эффективную платформу для выработки общих подходов к ключевым вопросам и укрепления связей между государствами.

Ассамблея получила официальный статус межгосударственного органа Содружества и стала основным местом обеспечения парламентских контактов. В настоящий момент на площадке МПА СНГ постоянно взаимодействуют

парламентские делегации Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан. Представители парламентских делегаций в МПА СНГ становятся членами постоянных и временных комиссий, учреждаемых для предварительного рассмотрения вопросов, относящихся к компетенции Ассамблеи.

Создание МПА СНГ стало фактором, обеспечившим в дальнейшем непосредственное формирование глубинной основы интеграции на пространстве Содружества.

Разрабатываемые Межпарламентской Ассамблеей СНГ модельные законы служат ориентиром при развитии и сближении законодательства стран Содружества Независимых Государств, совместном строительстве единого правового пространства.

За 35 лет работы Ассамблеей было принято более 700 модельных законов,

рекомендаций и других документов, в совокупности образовавших базу для

гармонизации национальных законодательств.

Говоря о процедуре правотворчества в контексте межпарламентских отношений на платформе МПА СНГ, авторы видят необходимость разграничить определения нормотворчества, правотворчества и законотворчества, очертить состав субъектов данных процессов, а также дать дефиницию модельного акта.

В юридической науке существует понятие «нормотворчество», однако единого подхода к нему не выработано. Согласно наиболее широкой трактовке, «нормотворчество — это деятельность по созданию любых норм (правовых, корпоративных и др.)» [1, с. 242]. Другие исследователи определяют нормотворчество как деятельность по подготовке и принятию любых формальных источников права (правовых норм) [2, с. 99; 3, с. 78].

По определению А. С. Пиголкина, правотворческий процесс — это «порядок осуществления юридически значимых действий по подготовке, принятию, опубликованию нормативного правового акта» [4, с. 85]. При этом основным видом правотворчества является законодательство как деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по разработке и принятию законов — нормативных правовых актов, регулирующих наиболее важные общественные отношения.

В сфере правовых отношений законотворческий процесс (название которого содержит тот же корень, что и глагол «творить») подразумевает более широкий спектр этой деятельности и, соответственно, большее число ее участников (об этом свидетельствует роль науки в определении правил подготовки законопроектов, а также преемственность в использовании положительного опыта привлечения научного сообщества к процессу создания законов).

Законотворчество является одним из видов правотворческого процесса. Такого мнения придерживается, к примеру, И. Н. Сенякин, который прямо указывает на то, что законотворчество «выступает

составной частью правотворческого процесса» [5, с. 189]. Это утверждение уточняет Ю. В. Мухина, называя законотворчество «стержнем правотворчества, его важнейшей составляющей частью, обладающей всеми свойствами правотворчества» [6, с. 23].

Если в рамках анализа природы правотворческой деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ абстрагироваться от дальнейшего «жизненного цикла» разработанного в Ассамблее модельного документа, то можно констатировать, что МПА СНГ модельными актами создает определенные нормы права. Эти нормы уже через процедуру имплементации и, несомненно, редактирования с учетом культурно-исторических особенностей конкретного государства трансформируются национальными парламентами непосредственно в законы, т. е. в нормативные правовые акты прямой силы, обязательные к исполнению на территории государства принятия. Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что МПА СНГ создает нормы, которые содержат в себе модели будущих государственных нормативных актов.

Правовая природа модельного акта Межпарламентской Ассамблеи СНГ определяется уникальной процедурой его принятия. Элемент парламентского обсуждения, реализуемого через совместную работу парламентариев в рамках постоянных комиссий, а также процедура одобрения и принятия модельного документа на пленарных заседаниях МПА СНГ позволяют говорить о нем как о продукте систематизированного процесса совместного создания парламентами определенной правовой нормы.

В то же время необходимо обозначить, что принимаемый Ассамблеей модельный акт сам по себе не создает того, что считается законом с точки зрения позитивного права. По сути, принятый МПА СНГ акт лишь формулирует правовую норму, которая в дальнейшем может либо стать законом (после имплементации парламентом любой из стран

СНГ), либо остаться в форме модели, потенциально применимой для развития национального законодательства. Исходя из этого, называть такой акт термином «закон» в его позитивистском понимании некорректно ввиду того, что именно модельность сущностно определяет уникальное место актов Межпарламентской Ассамблеи СНГ в системе правовых норм.

Модельный акт МПА СНГ, таким образом, представляет собой разрабатываемый на международном уровне и не имеющий прямой силы нормативный правовой акт, содержащий в себе результаты нормотворческой деятельности национальных парламентов в виде свода правовых норм, применимых для имплементации в национальных законодательствах в целях сближения правового регулирования конкретных видов общественных отношений в государствах — участниках Содружества.

Исторически создание модельных (типовых) нормативных актов было частью правовых традиций разных государств. Так, в российской правовой традиции элементы модельного нормотворчества обнаруживаются еще в Своде законов Российской империи, который представлял собой официальное издание с систематизированными по темам и согласованными между собой действующими законами страны.

При этом действие свода распространялось на отдельные территории в формате так называемых сводов местных узаконений. Законы из основного свода использовались как типовые, но предусматривали изъятия из общеимперского законодательства с учетом местных особенностей.

Свод законов СССР [7] был создан во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. в рамках масштабной систематизации законодательства и сыграл в дальнейшем особую роль в обеспечении единства правового пространства страны.

Подготовка законов союзных республик производилась по организационным и содержательным образцам, разработанным для Свода законов СССР [8, с. 284].

Механизм нормотворчества в рамках МПА СНГ в первую очередь обеспечивает представительство каждой из стран-участниц при разработке модельного акта и принятии решения о его одобрении. Всесторонняя поддержка данного процесса экспертным сообществом, представленным экспертными советами при МПА СНГ, позволяет обеспечить научную обоснованность, объективность и практическую применимость разрабатываемых нормативных правовых актов [9, с. 30].

Основная роль в модельном нормотворчестве отводится постоянным комиссиям МПА СНГ. По состоянию на 2026 г. действуют 10 постоянных комиссий Ассамблеи: по экономике и финансам; по социальной политике и правам человека; по политическим вопросам и международному сотрудничеству; по правовым вопросам; по вопросам обороны и безопасности; по культуре, информации, туризму и спорту; по изучению опыта государственного строительства и местного самоуправления; по аграрной политике, природным ресурсам и экологии; по науке и образованию; контрольно-бюджетная комиссия.

Участие в процедурах нормотворчества ученых-юристов и экспертов-практиков обусловлено необходимостью создавать точные правовые понятия (в том числе ранее не применявшиеся на практике), исследовать их сущность и взаимосвязи.

Еще в XIX в., на заре юридического позитивизма, известный русский юрист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной думы Российской империи Г. Ф. Шершеневич признавал исключительное значение разработки правовых понятий и дефиниций [10, с. 27]. Он подчеркивал, что именно наука должна заниматься теоретическим осмыслением права: анализировать сущность правовых явлений, выявлять их признаки и давать им определения. Законодатель же, имея дело с уже готовыми правовыми понятиями, закрепляет их в нормативных актах.

Непосредственный порядок организации и осуществления нормотворческой деятельности МПА СНГ изложен в Положении о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. Необходимо отметить глубокую вовлеченность в процедуру национальных парламентов: разрабатываемый проект модельного акта направляется им на каждом этапе редактирования. Ответственные парламентарии изучают материалы и по итогам рассмотрения направляют в МПА СНГ свои правки и предложения.

Авторы в рамках данного исследования условно выделили следующие исторические этапы нормотворческой работы МПА СНГ:

- разработка базовой системы нормативных правовых актов на начальном этапе обретения независимости бывшими союзными республиками (1993–2000 гг.);
- развитие модельного нормотворчества и расширение охвата сфер общественных отношений (2000–2015 гг.);
- дальнейшая гармонизация и актуализация положений разработанных ранее модельных законов в соответствии с новыми вызовами и целями построения информационного общества (после 2015 г.).

Наиболее значимой задачей МПА СНГ в части модельного нормотворчества стало формирование базовой системы нормативных правовых актов на начальном этапе обретения независимости бывшими республиками СССР. В 1993–2000 гг. принимались ключевые модельные акты, регулирующие сферы экономики и финансов, обороны и безопасности, социальной политики, культуры, науки и образования. В числе первых продуктов модельного правотворчества МПА СНГ — «Основные направления сближения национальных законодательств государств — участников Содружества Независимых Государств» (1992 г.), рекомендации «О социальных гарантиях для лиц, выполнявших

воинский или служебный долг в Афганистане или других странах, в которых велись боевые действия» (1992 г.), рекомендации «О едином образовательном пространстве и повышении социального статуса учащихся системы образования и науки в государствах — участниках СНГ» (1994 г., новая редакция — 1995 г.), модельный закон «О бухгалтерском учете и отчетности» (1997 г.), модельный закон «О государственном социальном страховании» (1997 г.).

В момент формирования правового пространства каждой из суверенных стран совместно разрабатываемая парламентариями на площадке МПА СНГ с учетом уникального правотворческого опыта Советского Союза нормативно-правовая база становилась основой для целых отраслей национальных законодательств. Так, положения Декларации о принципах местного самоуправления в государствах — участниках Содружества (1994 г.) нашли отражение в национальных законах о местном самоуправлении стран СНГ. На них базируются законы о местном самоуправлении Республики Армения, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан, принятые в 1994–1996 гг. [11]

Следует отметить высокую востребованность разрабатываемых в МПА СНГ модельных актов. Так, по информации, поступившей от национальных парламентов, к 1999 г. 33 документа, принятых Межпарламентской Ассамблеей СНГ, были использованы при подготовке нормативных правовых актов Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, 25 — Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь, 20 — Парламентом Республики Казахстан. 17 модельных актов широко использовались Национальным Собранием Республики Армения, шесть — Милли Меджлисом Азербайджанской Республики. Около 30 модельных актов в той или иной степени были использованы Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации [12].

В новых экономических условиях критически важной оказалась систематизация гражданского законодательства, которая также пришлась на первый этап правотворческой работы МПА СНГ. Три части модельного Гражданского кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств, подготовленные МПА СНГ совместно с Научно-консультативным центром частного права Содружества Независимых Государств, нашли отражение в национальных законодательствах стран СНГ. На основании модельного Гражданского кодекса были приняты Гражданский кодекс Республики Узбекистан, части первые гражданских кодексов Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации. Широкое применение в законодательстве стран Содружества нашли положения модельного Уголовного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств (1996 г.), модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств (1996 г.) и модельного Уголовно-исполнительного кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств (1996 г.), а также развивающих их рекомендательных законодательных актов «О борьбе с организованной преступностью» (1996 г.) и «О противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров» (1996 г.) [11].

С 2000 г. процедура модельного нормотворчества институционально оформилась: Межпарламентская Ассамблея СНГ перешла к практике системного утверждения перспективных планов разработки модельных документов на конкретные периоды. Первый такой перспективный план в Содружестве Независимых Государств [13] был разработан на период 2000–2005 гг. Значительно расширился отраслевой охват модельных законодательных актов и рекомендаций — в этот период были разработаны модельные законы «Об участии

общественности в принятии решений по вопросам градостроительного развития и качества городской среды» (2000 г.), «О государственных музеях-заповедниках» (2001 г.), «О культуре» (2004 г.), «О дошкольном образовании» (2004 г.), глава 2 «Акцизы (Акцизный налог)» специальной части модельного Налогового кодекса для государств — участников СНГ (2002 г.) и другие документы.

Наибольшую степень имплементации имеют нормы принятых в тот период модельных законов, регулирующих вопросы общественных отношений в сфере информатизации и связи, например, модельных законов «О праве на доступ к информации» (2004 г.), «О государственных секретах» (2003 г.), «Об электронной цифровой подписи» (2000 г.), «Об информатизации, информации и защите информации» (2005 г.), «О фельдъегерской связи» (2005 г.), «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (2009 г.) [14].

В начале второго десятилетия XXI в. к процессам подготовки модельных законов МПА СНГ и выработки мер по их имплементации в национальных законодательствах стали проявлять интерес международные организации. Одним из показательных примеров в этом отношении является выполненный в 2011 г. Немецким обществом по международному сотрудничеству анализ имплементации модельных законов в сфере корпоративного законодательства в государствах — участниках СНГ. Результаты специального научного исследования применения норм модельного закона «О рынке ценных бумаг» (2001 г.) и модельных законодательных Положений для государств — участников СНГ о защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг (2005 г.), подготовленных ранее Межпарламентской Ассамблеей СНГ в рамках совместных проектов с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР), свидетельствовали о значительном объеме восприятия положений указанных модельных актов национальными системами законодательства государств Содружества.

В рассматриваемый период была также апробирована новая форма реализации результатов разработки модельных актов — презентация модельных законов парламентариям и специалистам государств Содружества. 26 мая 2015 г. в Минске, в Исполнительном комитете СНГ, состоялась международная конференция по представлению модельного закона «О публично-частном партнерстве» (2014 г.), подготовленного МПА СНГ при активном участии ЕБРР [15].

По сведениям, представленным в Секретариат Совета МПА СНГ национальными парламентами государств — участников МПА СНГ, всего к марту 2018 г. было принято 384 разработанных МПА СНГ модельных кодекса и закона, 72 рекомендации, 41 вспомогательный правовой акт и законопроектное предложение. В соответствии с представленными данными, Азербайджанская Республика использовала в законотворческой деятельности 153 модельных законодательных акта, Республика Армения — 149, Республика Беларусь — 318, Республика Казахстан — 347, Кыргызская Республика — 175, Российская Федерация — 351, Республика Таджикистан — 273 [15]. Эти показатели демонстрируют высокую востребованность модельного правотворчества МПА СНГ на пространстве Содружества.

При этом практика работы национальных парламентов в части имплементации модельных документов разнится. Так, например, в Узбекистане для изучения модельных актов МПА СНГ образуются рабочие группы, которые по итогам рассмотрения вносят в Кабинет Министров предложения по совершенствованию национального законодательства. В 2019 г. такие группы создавались для изучения вопросов внедрения в национальное законодательство норм Рекомендаций по развитию и применению механизмов публично-частного партнерства в государствах — участниках СНГ (2018 г.), модельных законов «Об аудиторской деятельности» (2015 г.), «О документах стратегического

прогнозирования и планирования» (2018 г.) и пр. [16]

В Беларуси работу по анализу модельных актов МПА СНГ и оценке возможности их имплементации на системной основе ведет Постоянная комиссия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по международным делам. По информации председателя постоянной комиссии С. А. Рачкова, в 2023–2025 гг. палата использовала в законотворческой деятельности 20 модельных законов и четыре рекомендации, принятые Межпарламентской Ассамблеей СНГ [17].

В Кыргызстане закон «О Регламенте Жогорку Кенеша (парламента) Кыргызской Республики» содержит указание о необходимости рассмотрения модельных законов межпарламентских союзов в рамках законотворческого процесса [18]. В связи с этим в парламенте существует полноценная процедура работы с модельными документами — поступающие на имя спикера модельные акты и предложения МПА СНГ передаются в Комитет Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по международным делам, который распределяет их по другим комитетам в зависимости от сферы регулирования. В 2025 г. заместитель председателя Комитета Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по бюджету, экономической и фискальной политике Д. Д. Бекешев отмечал: «...Не всегда, должен сказать откровенно, не всегда бывает так, что мы руководствуемся модельными законами. Но все-таки у нас были случаи, о которых я хочу вам сказать. У нас не было до 2021 г. закона “Об оценочной деятельности” <...> Можно сказать, наш закон “Об оценочной деятельности”... по сути, был разработан на основе модельного закона МПА СНГ...» [19].

Парламентарии Республики Казахстан также указывали на участие страны в процессе правовой интеграции, основанном на принятых модельных документах. «...Так, при разработке закона от 1 июля 2024 г. “О государственных

закупках» были учтены положения модельного закона МПА СНГ на ту же тему. В частности, в национальный закон впервые были включены нормы о возможности общественного контроля, а также положения о применении единой информационной системы для проведения государственных закупок...» — отмечала член Комитета Сената Парламента Республики Казахстан по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству Л. Т. Рысбекова [19].

В настоящее время идет процесс гармонизации нормативных правовых актов государств — участников СНГ на основе использования модельных законов МПА СНГ «Об электронных государственных услугах» (2010 г.), «Об электронной торговле» (2008 г.), «О телемедицинских услугах» (2010 г.), «О дистанционном обучении в государствах — участниках СНГ» (2011 г.), «Об основах регулирования Интернета» (2011 г.), «О технопарках» (2012 г.), «О коммерческой тайне» (2012 г.), «Об электронном документе» (2013 г.), «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования» (2014 г.), модельного Информационного кодекса для государств — участников СНГ (2012 г., новая редакция — 2022 г.).

В конце первой четверти XXI в. потребность в создании модельных актов на пространстве СНГ сохранилась. В соответствии с утвержденным перспективным планом в 2026–2028 гг. депутатам и сенаторам предстоит подготовить более 130 модельных документов в сферах гуманитарного и приграничного сотрудничества, борьбы с терроризмом, экономики и финансов, социальной политики, экологии, туризма и других областях.

На всех этапах исторического развития модельного правотворчества на площадке МПА СНГ значительное внимание уделялось вопросам обеспечения безопасности и государственного суверенитета. Модельные акты, принятые в этой области Межпарламентской Ассамблеей СНГ, стали ориентиром для многих

национальных реформ. Так, например, положения модельного закона «О противодействии экстремизму» (2009 г.) нашли свое отражение в статьях 103, 104 и 105 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики. Более конкретная связь прослеживается между модельным законом МПА СНГ и Законом Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом»: статья 1 модельного закона, которая освещает вопросы борьбы с экстремизмом, практически дословно цитируется в пункте 1.0.6. закона Азербайджанской Республики с поправкой на национальный характер данного акта [20, с. 135].

В 2024 г. Постоянная комиссия МПА СНГ по вопросам обороны и безопасности рассмотрела проект модельного закона «О противодействии использованию автономных и роботизированных систем в террористических и экстремистских целях», проект изменений для внесения в модельный закон «О противодействии терроризму», проект Рекомендаций по реализации административно-правовых мер, осуществляемых уполномоченными органами в сфере обеспечения антитеррористической безопасности государств — участников СНГ.

Важно отдельно отметить наработки Межпарламентской Ассамблеи СНГ в области электорального суверенитета и обеспечения безопасности избирательного процесса. Так, в 2024 г. на основании колоссального экспертного опыта, накопленного Международным институтом мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ, были разработаны Рекомендации по обеспечению и защите электорального суверенитета государства. Опыт института был использован при разработке Рекомендаций для международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами и референдумами, новая редакция которых была принята постановлением МПА СНГ от 28 октября 2022 г. № 54–4,

а также при создании ряда специализированных актов: модельного закона МПА СНГ «О международном наблюдении за выборами и референдумами» (2022 г.)

и Рекомендаций по использованию технических средств автоматизации на выборах и референдумах (2022 г.).

Заключение

За 35 лет работы МПА СНГ институционально обеспечила конструктивный межгосударственный диалог, основанный на созданной масштабной правовой базе и принципах взаимопомощи и взаиморезуважения. В текущей ситуации активизации региональных организаций и поиска новых устойчивых моделей кооперации и взаимодействия модельное правотворчество становится крайне актуальным форматом.

Модельное законодательство представляет собой варианты правовых норм для реализации общих обязательств, органично дополняет и структурирует систему права СНГ, являясь средством мягкой правовой интеграции и отражая проработанные и согласованные общие подходы к национальному правовому развитию. Оно, несмотря на необязательный характер, имеет уникальные черты, которые являются преимуществом перед рядом договорных инструментов: модельные акты характеризуются, как правило, ясной детализацией понятий

и правовых регулов, значительным уровнем проработки и обобщения существующей национальной практики, могут быть относительно оперативным способом правового ответа на самые актуальные и срочные вопросы [21, с. 59].

Создание в 1992 г. Межпарламентской Ассамблеи СНГ продемонстрировало дальновидность и очевидный стратегический замысел высоких договаривающихся сторон: в течение 35 лет деятельность МПА СНГ способствовала формированию общих правовых стандартов, выступала стабилизатором отношений между государствами, позитивно влияла на развитие экономического и гуманитарного сотрудничества, содействовала укреплению парламентской дипломатии и создавала механизмы для совместного решения региональных проблем. Это обеспечило странам Содружества возможность эффективно адаптироваться к новым реалиям, сохранить и развить взаимодействие в условиях глобальных изменений.

Библиографический список

1. Дробязко С. Г. Общая теория права: учебное пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. 2-е изд., испр. и доп. Минск: Амалфея, 2007. 480 с.
2. Кафарова Г. Ф. Определение понятия «законотворчество»: широкий и узкий подходы // Интерактивная наука. 2018. № 4 (26). С. 99–103.
3. Мурашко Л. О. Проблемы объективизации правовой материи в современном правотворческом процессе // Право в современном белорусском обществе: сб. ст. Вып. 3. / НАН Беларуси, Институт государства и права; редкол.: В. И. Семенов [и др.]. Минск: Белорусская наука, 2008. С. 74–89.
4. Пиголкин А. С. Процессуальные формы правотворчества / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. Москва: Юридическая литература, 1976. 279 с.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. Москва: Юристъ, 2004. 512 с.
6. Мухина Ю. В. Понятие регионального законодательного процесса // Сибирский юридический вестник. 2002. № 2. С. 23–29.
7. Свод законов СССР // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_b1d693e6-20d8-4023-9334-aedece99f415/?ysclid=mtclmdg84623535862 (дата обращения: 31.08.2026).

8. Кодан С. В. Свод законов СССР и своды законов союзных республик в обеспечении законодательного единства СССР (середина 1970-х — 1980-е гг.) // Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С. 278–294. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=39570&ysclid=mtb7z14a37441332470 (дата обращения: 31.08.2026).
9. Мушкет И. И., Громская Н. А. Роль МПА СНГ в создании единого правового пространства на территории Содружества // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66). С. 27–36. DOI: 10.61260/2074–1626–2025–1–27–36.
10. Егоров А. А. Теория правонарушения и юридической ответственности в трудах Г. Ф. Шершеневича (1863–1912) // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 32–37.
11. Информационный бюллетень МПА СНГ. 1998. № 18. 245 с.
12. Информация об итогах деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в 1998 году / Приложение к постановлению Совета МПА СНГ от 3 апреля 1999 г. № 5 // Консорциум «Кодекс»: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901856725> (дата обращения: 31.08.2026).
13. Постановление МПА СНГ от 9 декабря 2000 г. № 16–4 «О задачах Межпарламентской Ассамблеи в реализации межгосударственных программ развития Содружества Независимых Государств» // Консорциум «Кодекс»: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909434?ysclid=mtd0vu3v9l934309168> (дата обращения: 31.08.2026).
14. Постановление МПА СНГ от 28 ноября 2013 г. № 47 «Об исследовании имплементации модельных законов, принятых в сфере информатизации и связи, в государствах — участниках СНГ» // Информационно-правовая система «Нормативка.by». URL: <https://normativka.by/lib/document/500205028?ysclid=mtd137uf2392920704> (дата обращения: 31.08.2026).
15. Постановление МПА СНГ от 12 апреля 2018 г. № 14 «Об имплементации норм модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ в законодательствах государств — участников Содружества Независимых Государств» // Программный комплекс Е-ДОСБЕ. URL: https://e-ecolog.ru/docs/GBT-CbvcTCnQoYAXq3sWa?ysclid=mtd157ovhy712239926&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 31.08.2026).
16. Совместное постановление Кенгаша Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан и Кенгаша Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 27 февраля 2019 г. № 2397-III «О мерах по реализации положений Конвенции о Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан Lex.uz. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4263006> (дата обращения: 31.08.2026).
17. Палата представителей за два года использовала в законотворчестве 20 принятых МПА СНГ модельных законов // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/july/94238/> (дата обращения: 31.08.2026).
18. Закон Кыргызской Республики от 16 ноября 2022 г. № 106 «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112437/edition/35334/ru?ysclid=mt7abqef1z23559666> (дата обращения: 31.08.2026).
19. Выступление заместителя председателя Комитета Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по бюджету, экономической и фискальной политике Д. Д. Бекешева на круглом столе «Перспективы модельного законотворчества Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. Диалог и решения» 21 мая 2025 г. // Стенограмма круглого стола.
20. Лановая Г. М. Проблемы имплементации модельного законодательства Содружества Независимых Государств в контексте противодействия экстремизму // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 134–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-implementatsii-modelnogo-zakonodatelstva-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-kontekste-protivodeystviya-ekstremizmu> (дата обращения: 31.08.2026).

21. Михалева Т. Н. Модельное правотворчество в СНГ как юридическое средство мягкой интеграции и проявление парламентской дипломатии // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 23 марта 2023 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 56–60.

References

1. Drobiazko S. G. *General Theory of Law: Handbook for Universities*. Ed. by S. G. Drobiazko, V. S. Kozlov. 2nd ed. Minsk: Amalfeya, 2007. 480 p. (In Russ.)
2. Kafarova G. F. Definition of the Concept of “Lawmaking”: Wide and Narrow Approaches. *Interactive Science*, 2018, no. 4 (26), pp. 99–103. (In Russ.)
3. Murashko L. O. Problems of Objectification of Legal Matter in the Modern Law-making Process. *Law in Modern Belarusian Society: Collection of Articles*, Iss. 3. Ed. by V. I. Semenov [et al.]. Minsk: Belarusian Science, 2008. Pp. 74–89. (In Russ.)
4. Pigolkin A. S. *Procedural Forms of Law-making*. Ed. by P. E. Nedbaylo and V. M. Gorshenev. Moscow: Legal Literature, 1976. 279 p. (In Russ.)
5. Matuzov N. I., Malko A. V. *Theory of State and Law: Textbook*. Moscow: Yurist, 2004. 512 p. (In Russ.)
6. Mukhina Y. V. The Concept of the Regional Legislative Process. *Siberian Law Bulletin*, 2002, no. 2, pp. 23–29. (In Russ.)
7. Code of Laws of the USSR. *National Electronic Library*. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_b1d693e6-20d8-4023-9334-aedece99f415/?ysclid=mtclmdg84623535862 (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
8. Kodan S. V. The Code of Laws of the USSR and the Codes of Laws of the Union Republics in Ensuring the Legislative Unity of the USSR (mid-1970s-1980s). *Genesis: Historical Research*, 2022, no. 12, pp. 278–294. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=39570&ysclid=mtb7z14a37441332470 (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
9. Mushket I. I., Gromskaya N. A. The Role of the IPA CIS in Creating a Unified Legal Space on the Territory of the Commonwealth. *Right. Safety. Emergency Situations*, 2025, no. 1 (66), pp. 27–36. DOI: 10.61260/2074–1626–2025–1–27–36. (In Russ.)
10. Egorov A. A. Theory of Delinquency and Legal Responsibility in the Works of G. F. Shershenevich (1863–1912). *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (65), pp. 32–37. (In Russ.)
11. *Information Bulletin of the IPA CIS*, 1998, no. 18, 245 p. (In Russ.)
12. Information on the Results of the Activities of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States in 1998. Appendix to the Resolution of the Council of the IPA CIS dated April 3, 1999, No. 5. *Consortium “Kodeks”: Electronic Fund of Legal and Regulatory-technical Documents*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901856725> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
13. Resolution of the IPA CIS dated December 9, 2000, No. 16–4 “On the Tasks of the Interparliamentary Assembly in the Implementation of Interstate Development Programs of the Commonwealth of Independent States”. *Consortium “Kodeks”: Electronic Fund of Legal and Regulatory-technical Documents*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909434?ysclid=mtd0vu3v9l934309168> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
14. Resolution of the IPA CIS dated November 28, 2013, No. 47 “On the Study of the Implementation of Model Laws Adopted in the Field of Informatization and Communications in the CIS Member States”. *The Information and Legal System “Normativka.by”*. URL: <https://normativka.by/lib/document/500205028?ysclid=mtd137uf2392920704> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
15. Resolution of the IPA CIS dated April 12, 2018, No. 14 “On the Implementation of the Norms of Model Legislative Acts of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States in the Legislatures of the Member States of the Commonwealth of Independent States”. *Software Package E-DOSSIER*. URL: https://e-ecolog.ru/docs/GBT-CbvcTCnQoYAXq3sWa?ysclid=mtd157ovhy712239926&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)

16. Joint Resolution of the Kengash of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan and the Kengash of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan dated February 27, 2019, No. 2397-III "On Measures to Implement the Provisions of the Convention on the Interparliamentary Assembly of the States Parties to the Commonwealth of Independent States". *The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan Lex.uz*. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4263006> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
17. In Two Years, the House of Representatives Used 20 Model Laws Adopted by the IPA CIS in Lawmaking. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus Pravo.by*. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/july/94238/> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
18. The Law of the Kyrgyz Republic dated November 16, 2022, no. 106 "On the Regulations of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic". *Centralized Database of Legal Information of the Kyrgyz Republic*. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112437/edition/35334/ru?ysclid=mt7abqef1z23559666> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
19. Speech by D. D. Bekeshev, Deputy Chairman of the Committee of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic on Budget, Economic and Fiscal Policy, at the Roundtable "Prospects for Model Lawmaking by the Inter-Parliamentary Assembly of the States Members of the Commonwealth of Independent States. Dialogue and Solutions" on May 21, 2025. *Transcript of the Roundtable*. (In Russ.)
20. Lanovaya G. M. Problems of Implementation of the Model Legislation of the Commonwealth of Independent States in the Context of Countering Extremism. *Bulletin of Economic Security*, 2021, no. 5, pp. 134–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-implementatsii-modelnogo-zakonodatelstva-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v-kontekste-protivodeystviya-ekstremizmu> (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)
21. Mikhaleva T. N. Model Law-making in the CIS as a Legal Means of Soft Integration and a Manifestation of Parliamentary Diplomacy. *Diplomacy of Belarus in the Context of New Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, March 23, 2023*. Minsk: Belarusian State University, 2023. Pp. 56–60 (Accessed: 31.08.2026). (In Russ.)

УДК 341.172

Россия и Содружество Независимых Государств: объективность состояния, субъективность восприятия

Ромашов Р. А.¹

¹ Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Russia and the Commonwealth of Independent States: Objectivity of the Status, Subjectivity of Perception

Romashov R. A.¹

¹ Leningrad State University Named After A. S. Pushkin, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. Содружество Независимых Государств как региональная международная организация возникла в результате дезинтеграционных процессов, обусловивших распад СССР. Российская Федерация, ставшая одним из инициаторов создания СНГ, выступает одновременно в качестве одного из равноправных субъектов (государств-членов) и мирового центра силы, оказывающего значимое влияние как на региональную, так и на общемировую политику. Закрепленная в национальном законодательстве характеристика современной России как «правопреемника и правопродолжателя Союза ССР» (Конституция Российской Федерации), «самобытного государства-цивилизации» (Концепция внешней политики Российской Федерации) позволяет говорить об особой объединительной роли российского государства в интеграционных процессах, имевших место как в исторической ретроспективе (в Российской империи и СССР), так и в настоящий период.

Ключевые слова: государство-цивилизация, русский мир, СНГ, унитарное государство, федеративное государство, союзная республика, региональная международная организация.

Abstract. The Commonwealth of Independent States, as a regional international organization, emerged as a result of the disintegration processes that led to the collapse of the USSR. The Russian Federation, one of the initiators of the CIS, acts simultaneously as an equal entity (member states) and a global center of power, exerting significant influence on both regional and global politics. The characterization of modern Russia, enshrined in national legislation, as the “legal successor and legal continuator to the USSR” (The Constitution of the Russian Federation) and a “unique country-civilization” (The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation) allows us to speak of the special unifying role of the Russian state in integration processes that have taken place both historically (in the Russian Empire and the USSR) and in the present day.

Keywords: country-civilization, Russian world, CIS, unitary state, federal state, union republic, regional international organization.

Об авторе:

Ромашов Роман Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

About the author:

Romashov Roman Anatolievich — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Leningrad State University Named After A. S. Pushkin, St. Petersburg, the Russian Federation

Материал поступил в редакцию 21.08.2026, принят к публикации 22.08.2026
Article received by the editorial office on 21.08.2026, accepted for publication on 22.08.2026

Введение

В Конституции Российской Федерации (1993 г.) закрепляется положение: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей... является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации» [1, ст. 67¹]).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [2] определяет, что Россия является «самобытным государством-цивилизацией, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державой, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира». Прочитированные положения позволяют говорить о России в двух контекстах: геополитическом и социально-историческом.

В геополитическом контексте Российская Федерация представляет собой государство, получившее суверенитет в результате распада Союза Советских Социалистических Республик в конце 1991 г.

Аналогичным образом свой самостоятельный государственный статус

получили 14 бывших союзных республик. В подобном понимании современная Россия — это бывшая РСФСР с измененной формой правления (президентской республикой) и обновленными социально-экономической и политико-правовой системами.

В социально-историческом плане Россия — это русская цивилизация, объединенный русский мир, не ограниченный пределами территории современной Российской Федерации и основывающийся на таких базовых элементах, как русский народ, русский язык, русские традиционные духовно-нравственные ценности, в системе которых особое место занимают русская православная вера и государственный патриотизм [3, с. 38–49].

Содружество Независимых Государств, первоначально возникнув как «форма цивилизованного развода» [4], за прошедшие 35 лет доказало свою жизнеспособность в качестве регионального межгосударственного объединения, которое, несмотря на достаточно серьезные внутренние противоречия, продолжает занимать значимое место на международной арене и оказывать серьезное влияние на динамику мирового развития.

В рамках данной статьи СНГ предлагается рассматривать, с одной стороны, в качестве объекта правового регулирования и научного исследования и, с другой стороны, как форму межсубъектного объединения и взаимодействия. Российская

Федерация является одновременно равноправным членом СНГ, «суверенным центром мирового развития» и «самобытным государством-цивилизацией» [2], оказывает определяющее воздействие на

современные геополитические процессы и в подобном понимании выступает в качестве основополагающего фактора организации и функционирования Содружества.

Исторический экскурс

В настоящее время практически во всех конституциях государств — участников СНГ получает юридическое закрепление модель «собственной многовековой (тысячелетней)» истории. Вместе с тем историческая реальность, субъективно оцениваемая в различных национальных вариациях, позволяет говорить о периоде общей государственности. В его рамках представляется целесообразным разграничивать два завершённых государственных цикла: имперский (монархический) и советский (республиканский), в условиях которых существенным образом отличались как геополитические, так и социально-исторические статусы современных независимых государств.

Российская империя являлась государством с унитарной формой административно-территориального устройства, в основу которого был положен принцип «единой неделимой России». При этом процесс формирования российского централизованного имперского государства осуществлялся в две стадии: «собирания земель русских» под властью Московского княжества (царства) и собственно имперского формирования, осуществлявшегося в том числе за счёт включения в состав империи инонациональных образований [5, с. 36–46].

Сразу следует оговориться, что именно унитарная форма государственного устройства «единой неделимой России» качественным образом отличала Российскую империю от западных имперских государств, в которых четко разграничивались наделенная публичной властью метрополия и подвластные ей, фактически бесправные колонии. Последние рассматривались исключительно

в качестве ресурсных (как природных, так и социальных) придатков метрополий, включаемых в состав империй с сугубо утилитарными целями.

Российская империя «прирастал» не иностранными колониями, а вновь обретенными губерниями и областями, являвшимися по своему статусу равными исконно русским землям, поскольку и те и другие представляли фактическую собственность императорской короны [6, с. 1413–1428]. Более того, в ряде случаев вошедшие в состав российского государства национальные образования обладали большими правами и свободами по сравнению с «русской» Россией. Так, к примеру, несмотря на сугубо отрицательное отношение со стороны российской монархической власти к конституции, конституционные акты действовали в Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском [7, с. 64–66]. На наш взгляд, следует согласиться с авторами, характеризующими монархическую Россию как «империю наоборот» [8, с. 119–133], в которой «национальные края» зачастую были благополучнее (в материально-финансовом положении), нежели центральные регионы.

Революция 1917 г., ликвидировав монархию и разрушив имперскую форму унитарного государственного устройства, обусловила переход к новому историческому типу государства — советской федеративной республике. При этом за основу была принята не традиционная политико-территориальная модель (США), а концепция национального федерализма, положенная в основу административно-территориального устройства РСФСР (определявшегося в Конституциях 1918 и 1925 гг. как федерация

национальных республик) [9, с. 61–64], ЗакСФСР (1922–1936 гг.) [10, с. 161–181] и, наконец, СССР (1922–1991 гг.). Причем в территориальном устройстве последнего выделялись два типа национальных республик (союзные и автономные) и два типа национальных автономий (автономные области и округа) [11, с. 12–25].

Государствами в составе СССР считались только союзные республики, что в конечном итоге и предопределило обретение ими фактического государственного суверенитета в результате распада СССР в 1991 г. [12, с. 186–188]. Следует констатировать, что по сути своей повторилась ситуация, сложившаяся после

прекращения существования Российской империи (1917 г.), с той разницей, что советскому правительству удалось вновь объединить большинство ставших суверенными государств в единую советскую федерацию СССР, а в новейшей постсоветской истории имеет место опыт создания СНГ, представляющего собой региональное межгосударственное объединение, участники которого не стремятся к государственному единству, рассматривая кооперацию исключительно как средство решения собственных национальных интересов, с опорой на базовые принципы независимости, равноправия и конструктивного партнерства [13, с. 28–37].

СНГ как объект политико-правового воздействия

В создании СНГ следует выделить два ключевых исторических события и два международных правовых акта: это встреча глав государств Беларуси, России, Украины в Вискулях (Беларусь), итогом которой стало подписание Соглашения о создании Содружества Независимых Государств (далее — Соглашение) 8 декабря 1991 г. и Алма-Атинская конференция, на которой главы 11 самопровозглашенных государств подписали Алма-Атинскую декларацию (далее — Декларация) 21 декабря 1991 г. (В конференции не приняли участие четыре бывших советских республики: Грузия, Латвия, Литва, Эстония. Грузия стала членом СНГ в 1993 г. (вышла из состава СНГ в 2009 г.), а прибалтийские республики, независимость которых 6 сентября 1991 г. была признана Государственным Советом СССР, изначально не принимали участия в интеграционных процессах на постсоветском геополитическом пространстве.)

Названные документы выполняли как учредительную функцию, фиксируя создание СНГ: «Высокие Договаривающиеся Стороны образуют Содружество Независимых Государств» [14, ст. 1], так и определяли фактическую денонсацию Договора об образовании Союза

Советских Социалистических Республик от 29 декабря 1922 г.: «Высокие Договаривающиеся Стороны констатируют, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование» [14, преамбула]. В Декларации устанавливалось, что: «С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование» [15]. При этом отмечалось, что Содружество «не является ни государством, ни надгосударственным образованием». Впоследствии это положение было закреплено в Уставе Содружества Независимых Государств [16, ст. 1]. В настоящее время СНГ представляет собой региональную международную организацию [17], деятельность которой направлена на: обеспечение сотрудничества государств-членов в политической, экономической, экологической, гуманитарной и иных областях; всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие в рамках общего экономического пространства, межгосударственную кооперацию и интеграцию; обеспечение прав и свобод человека; осуществление эффективных мер по сокращению вооружений и военных расходов, ликвидации ядерного

и других видов оружия массового уничтожения, достижению всеобщего и полного разоружения; содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве; взаимную правовую помощь; мирное разрешение споров и конфликтов между государствами Содружества [16, ст. 2]. Очевидно, не все из перечисленных целеполаганий в реальности достижимы (вряд ли в обозримой перспективе может быть достигнута целевая установка, предполагающая ликвидацию ядерного и других видов оружия массового уничтожения, равно как и полное разоружение), однако в своем безусловном большинстве цели, определяющие направления межгосударственного сотрудничества в формате Содружества, представляются в достаточной степени конструктивными и вполне достижимыми.

35-летний период существования СНГ позволяет говорить о данной организации как устоявшейся и в таком понимании традиционной форме межгосударственного взаимодействия. Анализ эффективности СНГ и, как следствие, определение его вероятностных перспектив следует осуществлять в контексте глобальных мировых процессов.

Разрушение биполярной системы мирового устройства, сложившейся по итогам Второй мировой войны (1939–1945 гг.) и представленной тремя типами государств: капиталистическими, социалистическими, развивающимися (последние, в свою очередь, подразделялись на страны социалистической либо капиталистической ориентации), повлекло за собой переоценку системы ценностей и базовых ориентиров, положенных в основу системного миропонимания. При этом переосмысление происходило как в «восточном», так и в «западном» секторах. И если для «восточного» сектора обретение «свободы» сводилось к переходу от коммунистических идеалов к либеральным (естественно-правовым) постулатам буржуазной идеологии, воспринимаемым в качестве «общечеловеческих ценностей», то для «коллективного

Запада» одержанная в холодной войне во многом неожиданная победа стала не менее серьезным испытанием.

Сформированные в рамках классовой системы «мирного сосуществования антагонистических формаций» межгосударственные блоки (НАТО, ОБСЕ и др.) в условиях отсутствия равноуровневых «сдержек и противовесов» утратили свою первоначальную значимость, поскольку фактически перестал существовать потенциальный враг и реальный конкурент, представляемый в биполярном мире системой «коллективного социалистического Востока» [18, с. 92–107]. Однако первоначальные договоренности о «не расширении Запада (НАТО) на Восток» [19, с. 30–40] в течение короткого исторического промежутка показали свою несостоятельность, о чем недвусмысленно высказался Президент России В. В. Путин во время своего выступления на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (Федеративная Республика Германия, 10 февраля 2007 г.) [20]. В сложившейся ситуации СНГ стало восприниматься государствами-членами в качестве коллективной системы обеспечения национальной безопасности и стабильности в евразийском политико-правовом пространстве. Инструментом обеспечения коллективной безопасности стала ОДКБ, созданная в целях «укрепления мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защиты на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов» [21]. То, что к Договору о коллективной безопасности не присоединились отдельные члены СНГ (Азербайджан, Молдова, Украина), равно как и то, что два государства (Армения, Узбекистан) демонстрируют свое в достаточной степени противоречивое отношение к этой организации, является наглядным свидетельством наличия существенных противоречий как в понимании коллективной безопасности, так и в определении средств и методов ее обеспечения.

Говоря об экономическом сотрудничестве, необходимо отметить, что наряду с СНГ, государства-члены участвуют и в других международных региональных и межрегиональных организациях (ЕАЭС, ШОС, БРИКС и др.), в том числе в тех, где не представлена Российская Федерация (ГУАМ, ОЭС, Организация тюркских государств и др.) [22, с. 143–158]. Из сказанного следует вывод о том, что на сегодняшний день страны Содружества все более осознают свою суверенную государственность, что предполагает выстраивание межгосударственных коммуникаций на базе принципов независимости, равенства, конструктивного

партнерства. СНГ в таком понимании рассматривается и Россией, и другими государствами-членами как одна из международных региональных организаций, участие в которой не исключает представительства в других формированиях. При этом Россия, продолжая оставаться «мировым центром силы», по отношению к своим «конструктивным партнерам» выступает в качестве равноправного субъекта, не стремящегося доминировать в диалоге национальных культур, однако и не готового жертвовать собственными политическими, экономическими, военными интересами во имя метафорического «братства народов».

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 18.08.2026).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 18.08.2026).
3. Коваленко В. И. Концепт России как государства-цивилизации в современном политологическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 38–49. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-38-49.
4. Путин: СНГ «весьма полезный клуб» для встреч после развода // Новые Известия on-line. URL: https://newizv.ru/news/2005-03-25/putin-sng-vesma-poleznyy-klub-dlya-vstrech-posle-razvoda-16330?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.08.2026).
5. Грудинин Н. С., Майорова М. С. История развития федерализма в России // Научный вестник. 2015. № 1 (3). С. 36–46. DOI: 10.17117/nv.2015.01.036.
6. Киселев М. А. Власть монарха, неделимость государства и общее благо в российской политической мысли конца XVI — середины XVIII века // Quaestio Rossica. 2025. Т. 13. № 4. С. 1413–1428. DOI: 10.15826/qr.2025.4.1030.
7. Наумкина В. В. Опыт конституционного развития в Российской империи на территории Великого княжества Финляндского и царства Польского // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 64–66. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-11-64-66.
8. Должиков В. А. Цивилизационная специфика России как евразийской «империи наоборот» // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 119–133.
9. Попова А. В. Форма государственного устройства РСФСР в 1917–1922 гг.: новая советская действительность // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 61–64. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-61-64.
10. Лебский М. А. Загадочная смерть Закавказской федерации (1922–1936 гг.) // Свободная мысль. 2024. № 6 (1708). С. 161–181.
11. Грачев Н. И. Форма государственного устройства СССР и его политико-правовая природа // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 4 (98). С. 12–25.
12. Султанов А. Х. Советское федеративное государство и руководство СССР // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 186–188.

13. Быстренко В. И., Ярославцев В. Г. Содружество Независимых Государств: итоги организации сотрудничества стран на постсоветском пространстве, историческое значение, перспективы // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 2. С. 28–37.
14. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств: совершено в Минске 8 декабря 1991 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/sng/1673617/ (дата обращения: 18.08.2026).
15. Алма-Атинская декларация: принята 21 декабря 1991 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/1701727/ (дата обращения: 18.08.2026).
16. Устав Содружества Независимых Государств: принят 22 января 1993 г. на заседании Совета глав государств в Минске // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/1738155/ (дата обращения: 18.08.2026).
17. О Содружестве Независимых Государств: по состоянию на июль 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/sng/1813264/ (дата обращения: 18.08.2026).
18. Лукьянов В. Ю. Внешняя политика советской и постсоветской эпохи: к проблеме концептуальной трансформации // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 1. С. 92–107.
19. Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на Восток подтверждаются архивными источниками // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 30–40.
20. Выступление Президента России В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Германия, 10 февраля 2007 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727764/ (дата обращения: 18.08.2026).
21. Устав Организации Договора о коллективной безопасности: подписан 7 октября 2002 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3506> (дата обращения: 18.08.2026).
22. Зевин Л. З. Регион СНГ в постоднопольном мире: проблемы организации экономического пространства // Мир перемен. 2012. № 1. С. 143–158.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
2. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, no. 229. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
3. Kovalenko V. I. The Concept of Russia As a State-Civilization in the Discourse of Contemporary Political Science. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 38–49. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-38-49. (In Russ.)
4. Putin: CIS Is a “Very Useful Club” for Meetings After Divorce. *Novye Izvestia on-line*. URL: https://newizv.ru/news/2005-03-25/putin-sng-vesma-poleznyy-klub-dlya-vstrech-posle-razvoda-16330?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
5. Grudin N. S., Mayorova M. S. History of the Development of Federalism in Russia. *Scientific Bulletin*, 2015, no. 1 (3), pp. 36–46. DOI: 10.17117/nv.2015.01.036. (In Russ.)
6. Kiselev M. A. The Power of the Monarch, the Indivisibility of the State, and the Common Good in Russian Political Thought from the Late 16th to the Mid-18th Century. *Quaestio Rossica*, 2025, vol. 13, no. 4, pp. 1413–1428. DOI: 10.15826/qr.2025.4.1030. (In Russ.)

7. Naumkina V. V. Experience of Constitutional Development in the Russian Empire on the Territory of the Grand Duchy of Finland and the Kingdom of Poland. *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 11, pp. 64–66. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-11-64-66. (In Russ.)
8. Dolzhikov V. A. Civilizational Specificity of Russia As a Eurasian “Empire in Reverse”. *Society and Security Insights*, 2018, vol. 1, no. 3, pp. 119–133. (In Russ.)
9. Popova A. V. Form of Government of the RSFSR in 1917 to 1922: New Soviet Reality. *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 9, pp. 61–64. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-61-64. (In Russ.)
10. Lebsky M. A. The Mysterious Death of the Transcaucasian Federation (1922–1936). *Svobodnaya mysl'*, 2024, no. 6 (1708), pp. 161–181. (In Russ.)
11. Grachev N. I. Form of Government of the USSR and Its Political and Legal Nature. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 4 (98), pp. 12–25. (In Russ.)
12. Sultanov A. Kh. Soviet Federal State and the Leadership of the USSR. *Eurasian Law Journal*, 2016, no. 2 (93), pp. 186–188. (In Russ.)
13. Bystrenkov V. I., Yaroslavtsev V. G. Commonwealth of Independent States: Results of the Organization of Cooperation Between Countries in the Post-Soviet Space, Historical Significance, Prospects. *Historical Bulletin*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 28–37. (In Russ.)
14. Agreement on the Establishment of the Commonwealth of Independent States (Minsk, December 8, 1991). *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1673617/ (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
15. Alma-Ata Declaration (Alma-Ata, December 21, 1991). *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1701727/ (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
16. Charter of the Commonwealth of Independent States (Minsk, January 22, 1993). *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1738155/ (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
17. On the Commonwealth of Independent States. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/1813264/ (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
18. Lukyanov V. Yu. Foreign Policy of the Soviet and Post-Soviet Era: On the Problem of Conceptual Transformation. *Konfliktologiya*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 92–107. (In Russ.)
19. Gorokhov A., Vasiliev K. Agreements on Non-Expansion of NATO to the East Are Confirmed by Archival Sources. *Russian Political Science*, 2022, no. 1 (22), pp. 30–40. (In Russ.)
20. Speech by Russian President Vladimir Putin at the Munich Conference on Security Policy, Germany, February 10, 2007. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727764/ (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
21. Charter of the Collective Security Treaty Organization (October 7, 2002). *President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3506> (Accessed: 18.08.2026). (In Russ.)
22. Zevin L. Z. The CIS Region in the Post-Unipolar World: Problems of Organizing Economic Space. *Mir peremen*, 2012, no. 1, pp. 143–158. (In Russ.)

УДК 34.01

Модельное законодательство в механизме экономической интеграции государств — участников Содружества Независимых Государств

Баранова Т. А.¹

Кобицкий Д. А.¹

¹ Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников Содружества Независимых Государств

Model Legislation in the Mechanism of Economic Integration of the Members States of the Commonwealth of the Independent States

Baranova T. A.¹

Kobitskiy D. A.¹

¹ Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly
of Member Nations of the Commonwealth of Independent States

Аннотация. В статье рассматривается роль модельного законодательства Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в механизме экономической интеграции. Анализируются правовая природа модельных актов как инструмента «мягкого права», их влияние на гармонизацию национальных законодательств и правоприменительную практику государств — участников СНГ. Особое внимание уделено методологической проблеме оценки эффективности имплементации модельного законодательства. Обосновывается необходимость перехода от формальных показателей к качественным индикаторам восприятия модельных норм. Предлагаются направления повышения эффективности модельного законодательства, такие как сопровождение каждого модельного закона методическими рекомендациями по его внедрению в национальное законодательство и разработка методологии измерения степени восприятия норм модельных законов. Сделан вывод о том, что эффективность модельного законодательства имеет отсроченный, опосредованный и многомерный характер, а ее оценка требует гибкой системы, сочетающей количественные и качественные методы.

Ключевые слова: модельное законодательство, экономическая интеграция, гармонизация законодательства, «мягкое право», эффективность модельных законов, имплементация, правоприменительная практика.

Abstract. The article examines the role of model legislation of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member Nations in the mechanism of economic integration. The legal nature of model acts as a soft law instrument and their impact on the harmonization of national legislation and law enforcement practice in the CIS member states are analyzed. Special attention is paid to the methodological problem of assessing the effectiveness of the implementation of model legislation. The necessity of shifting from formal indicators to qualitative indicators of the perception of model norms is substantiated.

Directions for improving the effectiveness of model legislation are proposed, such as providing methodological recommendations for the implementation of each model law into national legislation and developing a methodology for measuring the degree of perception of the norms of model laws. It is concluded that the effectiveness of model legislation is of a delayed, indirect and multidimensional nature, and its assessment requires a flexible system combining quantitative and qualitative methods.

Keywords: model legislation, economic integration, harmonization of legislation, soft law, effectiveness of model laws, implementation, law enforcement practice.

Об авторах:

Баранова Татьяна Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела обеспечения модельного законотворчества Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, bta@iacis.ru

Кобицкий Дмитрий Аркадьевич — Генеральный секретарь — руководитель Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, vov@iacis.ru

About the authors:

Baranova Tatyana Anatolyevna — PhD, Head of the department for ensuring model lawmaking Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States, bta@iacis.ru.

Kobitskiy Dmitry Arkadyevich — Secretary General of the Council of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States, vov@iacis.ru.

Материал поступил в редакцию 02.09.2026, принят к публикации 18.09.2026
Article received by the editorial on 02.09.2026, accepted for publication on 18.09.2026

Введение

Экономическая интеграция на пространстве Содружества представляет собой сложный, противоречивый и вместе с тем объективно обусловленный процесс, правовое обеспечение которого требует согласованных усилий государств — участников СНГ. Одним из ключевых инструментов гармонизации национальных законодательств в рамках СНГ выступает модельное законодательство, разрабатываемое Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ (далее — МПА СНГ). Нормативный банк МПА СНГ к настоящему времени превысил 730 модельных законов и иных рекомендательных документов [1], охватывающих практически все сферы общественных отношений, от экономики и финансов до социальной политики и охраны окружающей среды.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях углубления евразийской экономической интеграции, сопряжения правовых систем Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) и СНГ, а также формирования общего рынка труда возрастает потребность в эффективных механизмах правового сближения. Разработка модельных законов признается важнейшим направлением парламентского взаимодействия в СНГ, обеспечивающим снижение правовых рисков и создание единого правового пространства [2, 3].

Следует отметить, что теоретические и практические аспекты модельного законотворчества в СНГ рассматривались во многих работах современных исследователей [4, 5, 6], где в том числе анализировались отдельные факторы влияния модельных законов на национальное

законодательство государств — участников СНГ. Вместе с тем комплексные исследования, посвященные роли модельного законодательства именно в механизме экономической интеграции, а также разработке методических подходов к оценке его эффективности, остаются немногочисленными.

Целью настоящей статьи является выявление роли и механизмов воздействия модельного законодательства МПА СНГ на процессы экономической интеграции государств — участников Содружества, а также определение перспективных направлений повышения его эффективности.

Исследование

Модельное законодательство МПА СНГ занимает уникальное положение в механизме экономической интеграции государств Содружества. С одной стороны, налицо впечатляющие количественные результаты, а с другой стороны, именно рекомендательный характер модельных актов порождает фундаментальную методологическую проблему: как измерить эффективность инструмента, который по определению не является обязательным для имплементации.

Ответ на этот вопрос, как видится, лежит в признании того факта, что модельное законодательство функционирует не как механизм принудительной унификации, а как инструмент «мягкого права», реализующий одну из ключевых функций, а именно обеспечение институционализированного консенсуса государств Содружества. Результатом применения модельных законов является совершенствование нормативной базы в этих странах с сохранением их правового суверенитета, что позволяет им заявить о себе в глобальной конкуренции правовых подходов [7, 8]. В этом контексте оценка эффективности должна смещаться от традиционного сопоставления «принят — не принят» к анализу качественного влияния на правовое мышление, методологию нормотворчества и формирование гармонизированного правового поля.

Экономическая логика модельного законодательства МПА СНГ строится на предпосылке, что сближение национальных законодательств снижает барьеры для бизнеса и создает предпосылки для

расширения коммерческих связей. Как отметила Председатель Совета МПА СНГ В. И. Матвиенко, «чем ближе по сути, по содержанию будут нормы национальных законодательств стран Содружества в сфере экономики, инвестиций, правил для предпринимателей, тем активнее будет развиваться бизнес, коммерческие связи» [9].

Эмпирические данные подтверждают наличие таких эффектов в отдельных сферах. В Кыргызской Республике, например, «Налоговый кодекс во многом совпадает с положениями модельных актов, что упрощает налоговые процедуры для бизнеса и граждан; законодательство в сфере конкуренции и ценообразования гармонизировано с модельным законом МПА СНГ, что обеспечило создание эффективной антимонопольной системы и защиту интересов потребителей» [10]. В Республике Казахстан на основе модельного Гражданского кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств был принят национальный Гражданский кодекс, а при разработке и принятии законов Республики Казахстан от 1 июля 2024 г. «О государственных закупках» и от 27 декабря 2021 г. «О промышленной политике» были учтены положения и нормы одноименных модельных законов МПА СНГ [11, с. 72]. Данные факты свидетельствуют о том, что модельное законодательство способно выступать катализатором институциональных реформ в экономической сфере.

Одним из наиболее неожиданных и одновременно показательных резуль-

татов функционирования модельного законодательства МПА СНГ стало его проникновение в судебную практику. Исследования показывают, что модельные законы МПА СНГ используются не только в процессе правотворчества, но и в правоприменительной деятельности судов [5, 8].

Этот феномен заслуживает особого внимания в контексте оценки эффективности. С одной стороны, он свидетельствует о реальном влиянии модельного законодательства на правоприменение, что снижает правовые риски для бизнеса и граждан из одних стран СНГ на территории других государств Содружества. С другой стороны, как отмечает Л. И. Антонова, такой подход противоречит юридической природе модельного закона как сугубо рекомендательного акта, направленного лишь на гармонизацию законодательства стран СНГ [5]. Возникает парадоксальная ситуация, а именно, инструмент «мягкого права» приобретает черты прямого регулятора, что может вызывать определенные затруднения с точки зрения правовой определенности.

В ЕАЭС модельные законы и кодексы МПА СНГ применяются для развития единого рынка трудовых ресурсов, в том числе модельные Трудовой и Миграционный кодексы, принятые в 2020 г. и 2021 г. соответственно [12]. В рамках ЕАЭС «мягкое право» достаточно активно используется в таких сферах, как обращение лекарственных средств и медицинских изделий, финансовый рынок, валютная политика [13].

Зарубежный опыт демонстрирует ограниченность модели «мягкого

права» применительно к гармонизации законодательства. Исследование К. Андерсона на примере Типового закона Комиссии Организации объединенных наций по праву международной торговли (UNCITRAL) о трансграничной несостоятельности показало, что значительные содержательные различия в национальных имплементациях препятствуют достижению реальной гармонизации [14]. Этот вывод имеет прямое отношение к СНГ, так как даже при формальном принятии модельного акта содержательная гармонизация может не достигаться.

Обобщая изложенное, следует признать, что рекомендательные нормы, создаваемые МПА СНГ, сочетают необязательность с заметным практическим воздействием, они дают национальным законодателям ориентиры, а в случае использования в судебной аргументации становятся в один ряд с общепризнанными нормами международного права, несмотря на отсутствие прямого регулирования. Это порождает, безусловно, позитивные интеграционные эффекты. Опыт отдельных стран и других интеграционных объединений подтверждает вышеприведенный тезис о том, что сам факт заимствования еще не означает достижения содержательной согласованности. Поэтому оценка результативности таких актов должна строиться не на подсчете принятых документов, а на анализе глубины, устойчивости и последствий их влияния. Это задает основу для перехода к формулированию результатов исследования и выработке практических мер.

Методология

В качестве основных методов использовались системный анализ, позволивший рассмотреть модельное законодательство как элемент более широкой системы правового обеспечения интеграции; сравнительно-правовой метод, примененный для сопоставления

модельных законов, иных рекомендательных документов и национальных законодательств государств — участников СНГ; формально-юридический метод, использованный при анализе текстов модельных законов и их юридической природы; контент-анализ научных

публикаций и материалов периодической печати.

Информационную базу исследования составили рекомендательные нормативные документы МПА СНГ (модельные законы, рекомендации, постановления),

опубликованные в издании МПА СНГ «Информационный бюллетень», материалы круглых столов и конференций, национальные законодательные акты государств — участников СНГ, а также научные статьи и аналитические обзоры.

Результаты

Проведенный анализ позволяет сформулировать в контексте нашего исследования два направления, ориентированные на повышение эффективности модельного законодательства в механизме экономической интеграции государств — участников СНГ.

1. Необходимо сместить акцент с количественных показателей (число принятых модельных актов) на качественные характеристики их влияния. Как отмечают эксперты, востребованные сегодня модельные законы и рекомендации нуждаются в «большей узнаваемости и большем понимании» [15]. Это означает, что даже качественно проработанный модельный акт остается невостребованным, если национальные парламентарии и правоприменители не осведомлены о его существовании, содержании и потенциале.

Принципиально новым элементом такой работы могло бы стать обязательное сопровождение каждого принимаемого модельного закона методическими рекомендациями по его внедрению в национальное законодательство. Такой документ должен содержать:

- пошаговый алгоритм действий для национальных парламентов;
- перечень норм, требующих первоочередной имплементации;
- варианты адаптации модельных положений к национальным правовым традициям и социально-экономическим условиям;
- указание на возможные риски и ограничения при внедрении;
- описание ожидаемых экономических и социальных эффектов.

Подобная практика уже частично реализуется в отдельных сферах. Например, при подготовке модельного закона «Об экологическом туризме» эксперты представили рекомендации по его использованию в государствах — участниках СНГ, в которых указали на важность принятия этого закона для развития экотуризма. Аналогично в сфере публично-частного партнерства был подготовлен сборник модельных документов, методических и практических рекомендаций, включающий Комментарий к модельному закону «О публично-частном партнерстве».

2. Требуется разработка методологии и системы измерения степени восприятия норм модельных законов в национальном законодательстве. Такая система должна включать не только формальные показатели (факт принятия), но и качественные индикаторы, такие как степень заимствования понятийного аппарата, уровень соответствия принципиальным положениям, стабильность имплементированных норм на протяжении значительных временных отрезков.

Применение соответствующих методик позволит совершенствовать подходы к формированию и исполнению Перспективного плана модельного законодательства на соответствующие периоды, методологическому и информационному обеспечению деятельности рабочих групп по подготовке модельных законов, а также определению качественной составляющей их деятельности. При этом методики оценки восприятия модельных законов должны предусматривать вовлечение в этот процесс и национальных парламентов.

Заключение

Модельное законодательство МПА СНГ представляет собой сложный, отчасти противоречивый, но вместе с тем потенциально мощный инструмент экономической интеграции. Его эффективность не может быть измерена простыми количественными показателями, поскольку сама природа этого инструмента предполагает отсроченные, опосредованные и многомерные эффекты. Ключевая методологическая задача заключается в разработке системы оценки, которая сочетала бы анализ формальной имплементации с оценкой качественного влияния на правовое мышление, институциональную среду и экономические процессы. Нам представляется,

что такая система должна быть гибкой и адаптивной, учитывать различия в правовых традициях и уровнях экономического развития государств Содружества. Она может включать как количественные метрики (индексы имплементации, частоту цитирования в судебных решениях, динамику поправок и др.), так и качественные оценки (экспертные интервью, контент-анализ национальных законов, анализ правоприменительной практики). Только комплексный подход позволит получить объективную картину того, насколько модельное законодательство МПА СНГ реально способствует экономической интеграции.

Библиографический список

1. Матвиенко: Число модельных законов МПА СНГ превысит семь сотен // Парламентская газета. 2025. 14 ноября. URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-chislo-modelnykh-zakonov-mpa-sng-prevysit-sem-soten.html> (дата обращения: 17.09.2026).
2. Зокиров Т.З. Правовой обычай как первоначальный источник принципа федерализма в административной ответственности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66).
3. Мигранян А.А., Ткаченко М.Ф. Правовые аспекты гармонизации трудового миграционного законодательства // Россия и современный мир. URL: <http://rossovmir.ru/article.php?id=172> (дата обращения: 17.09.2026).
4. Шугурова И. В. Модельное законотворчество в сфере интеллектуальной собственности в странах СНГ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelnoe-zakonotvorchestvo-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti-v-stranah-sng> (дата обращения: 17.09.2026).
5. Антонова Л. И. Юридическая природа модельных законов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2017. № 3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-modelnyh-zakonov-mezhparlamentskoy-assamblei-gosudarstv-uchastnikov-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 17.09.2026).
6. Касымжанова Д. С. Влияние модельных законов на национальное законодательство // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2012. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-modelnyh-zakonov-na-natsionalnoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 17.09.2026).
7. Портнова Е. В. Некоторые проблемы унификации международного частного права в современном мире // Наука. Общество. Государство. 2016. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-unifikatsii-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 17.09.2026).
8. Подкорытова О. В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. № 3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-modelnyh-zakonodatelnyh-aktov-mezhparlamentskoy>

- assamblei-gosudarstv-uchastnikov-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v (дата обращения: 17.09.2026).
9. Матвиенко призвала активнее использовать модельные законы в странах Содружества // Сенат-Информ. 2025. 14 ноября. URL: https://www.senatinform.ru/news/matvienko_prizvala_aktivnee_ispolzovat_modelnye_zakony_v_stranakh_sodruzhestva/ (дата обращения: 17.09.2026).
 10. Кубанычбек Самаков представил доклад об использовании модельных законодательных актов СНГ в Кыргызстане // Кыргызское национальное информационное агентство «Кабар». 2024. 21 ноября. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/kubanychbek-samakov-predstavil-doklad-ob-ispol-zovanii-model-nykh-zakonodatel-nykh-aktov-sng-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 17.09.2026).
 11. Информационный бюллетень / Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. 2025. № 82.
 12. В ЕАЭС будут использовать модельные законы и кодексы МПА СНГ для развития единого рынка трудовых ресурсов // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2024. 30 сентября. URL: https://relay.iacis.ru/novosti/sekretariat_soveta_mpa_sng_news/v_eaes_budut_ispolzovat_modelnie_zakoni_i_kodeksi_mpa_sng_dlya_razvitiya_edinogo_rinka_trudovih_resursov (дата обращения: 17.09.2026).
 13. Лифшиц И. М., Смбалян А. С. Правовые аспекты формирования общего биржевого пространства ЕАЭС в свете наилучших практик интеграционных объединений // Lex Russica. 2025. № 5 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-formirovaniya-obshchego-birzheвого-prostranstva-eaes-v-svete-nailuchshih-praktik-integratsionnyh-obedineniy> (дата обращения: 17.09.2026).
 14. Anderson K. Testing the Model Soft Law Approach to International Harmonisation: A Case-Study Examining the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency // Australian Year Book of International Law. 2004. Vol. 23. Pp. 1–24. URL: <https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/AUYrBkIntLaw/2004/1.html> (дата обращения: 17.09.2026).
 15. В Санкт-Петербурге прошел круглый стол по перспективам модельного законотворчества МПА СНГ // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. 2025. 21 мая. URL: https://iacis.ru/novosti/mezhparlamentskaya_assambleya/v_sankt-peterburge_proshyol_kruglij_stol_po_perspektivam_modelnogo_zakonotvorchestva_mpa_sng_ (дата обращения: 12.09.2026).

References

1. Matvienko: The number of model laws of the IPA CIS will exceed seven hundred. *Parlamentskaya Gazeta*, 14.11.2025. URL: <https://www.pnp.ru/politics/matvienko-chislo-modelnykh-zakonov-mpa-sng-prevysit-sem-soten.html> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
2. Zokirov T. Z. Legal Custom as the Initial Source of the Principle of Federalism in Administrative Liability. *Law. Safety. Emergency Situations*, 2025, no. 1 (66). (In Russ.)
3. Migranyan A. A., Tkachenko M. F. Legal Aspects of Harmonizing Labor Migration Legislation. *Russia and the Contemporary World*. URL: <http://rossovmir.ru/article.php?id=172> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
4. Shugurova I. V. Model Lawmaking in the Sphere of Intellectual Property in CIS Countries. *Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2014, no. 3 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelnoe-zakonotvorchestvo-v-sfere-intellektualnoy-sobstvennosti-v-stranah-sng> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
5. Antonova L. I. The Legal Nature of Model Laws of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States. *Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*, 2017, no. 3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-modelnykh-zakonov-mezhparlamentskoy-assamblei-gosudarstv-uchastnikov-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
6. Kasymzhanova D. S. The Impact of Model Laws on National Legislation. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, 2012, no. 3 (27). URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-modelnyh-zakonov-na-natsionalnoe-zakonodatelstvo (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)

7. Portnova E. V. Some Problems of Unification of International Private Law in the Modern World. *Science. Society. State*, 2016, no. 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-unifikatsii-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava-v-sovremennom-mire> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
8. Podkorytova O. V. The Phenomenon of Model Acts of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States in Decisions of Courts of the Russian Federation. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2024, no. 3 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-modelnyh-zakonodatelnyh-aktov-mezhparlamentskoy-assamblei-gosudarstv-uchastnikov-sodruzhestva-nezavisimyh-gosudarstv-v> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
9. Matvienko Called for More Active Use of Model Laws in the Commonwealth countries. *Senatinform*, 14.11.2025. URL: https://www.senatinform.ru/news/matvienko_prizvala_aktivnee_ispolzovat_modelnye_zakony_v_stranakh_sodruzhestva/ (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
10. Kubanychbek Samakov Presented a Report on the Use of Model Legislative Acts of the CIS in Kyrgyzstan. *Kyrgyz National News Agency Kabar*, 21.11.2024. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/kubanychbek-samakov-predstavil-doklad-ob-ispol-zovanii-model-nykh-zakonodatel-nykh-aktov-sng-v-kyrgyzstane/> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
11. *Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS*, no. 82 (2025).
12. The EAEU will Use Model Laws and Codes of the IPA CIS to develop a Single Labor Market. *The Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS official website*, 30.09.2024. URL: https://relay.iacis.ru/novosti/sekretariat_soveta_mpa_sng_news/v_eaes_budut_ispolzovat_modelnie_zakoni_i_kodeksi_mpa_sng_dlya_razvitiya_edinogo_rinka_trudovih_resursov (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
13. Lifshits I. M., Smbatyan A. S. Legal Aspects of the Common EAEU Exchange Space in the Light of Best Practices of Integration Associations. *Lex Russica*, 2025, no. 5 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-formirovaniya-obshchego-birzhevogo-prostranstva-eaes-v-svete-nailuchshih-praktik-integratsionnyh-obedineniy> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
14. Anderson K. Testing the Model Soft Law Approach to International Harmonisation: A Case-Study Examining the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency. *Australian Year Book of International Law*, 2004, vol. 23, Pp. 1–24. URL: <https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/AUYrBkIntLaw/2004/1.html> (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)
15. A Roundtable Discussion on the Prospects for Model Lawmaking by the IPA of the CIS Was Held in St. Petersburg. *The Interparliamentary Assembly of Member Nations of the CIS official website*, 21.05.2025. URL: https://iacis.ru/novosti/mezhparlamentskaya_assambleya/v_sankt-peterburge_proshyol_kruglij_stol_po_perspektivam_modelnogo_zakonotvorchestva_mpa_sng_ (Accessed: 17.09.2026). (In Russ.)

УДК 342.61

Выборы главы государства в странах СНГ: избирательные цензы и форма правления

Нечкин А. В.¹

¹ Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Российская Федерация

Head of State Elections in the CIS Countries: From Electoral Qualifications to Forms of Government

Nechkin A. V.¹

¹ Ural State Law University Named After V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, The Russian Federation

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить взаимосвязь формы правления и избирательных цензов, установленных для кандидатов на должность главы государства в странах СНГ. По итогам проведенного сравнительного правового анализа автор приходит к общему выводу о том, что формирование в государстве института «главы государства — национального лидера», играющего обслуживающую, конкретизирующую и персонифицирующую роль относительно конституционно-правового статуса главы государства (президента), с целью приспособить форму правления под конкретного президента, как правило, сопряжено с выработкой более строгих избирательных цензов, предъявляемых к кандидатам на должность главы государства, а также с наличием определенных персональных исключений по части избирательных цензов для действующего главы государства. Кроме того, автором выявлена характерная для государств СНГ закономерность, заключающаяся в том, что по итогам конституционного реформирования всегда происходит либо общее ужесточение существующих избирательных цензов, либо точечная либерализация отдельных избирательных цензов. Автор также особо отмечает, что обозначенные процессы могут протекать и одновременно, что является уникальной особенностью стран Содружества.

Ключевые слова: глава государства, страны СНГ, постсоветское пространство, президент, избирательный ценз, форма правления.

Abstract. This article attempts to trace the relationship between the form of government and the electoral qualifications established for candidates for the post of head of state in the CIS countries. Based on a comparative legal analysis, the author comes to the general conclusion that the presence of the institution of «head of state — national leader» in a state, which plays a supporting, concretizing, and personalizing role in relation to the constitutional and legal status of the head of state (president) with the aim of adapting the form of government to a specific president, is usually associated with stricter electoral qualifications for candidates for the post of head of state, as well as with certain personal exceptions to the electoral qualifications for the incumbent head of state. Furthermore, the author has identified a pattern characteristic of CIS countries: constitutional reforms always result in either a general tightening of existing electoral qualifications or a targeted liberalization of individual electoral qualifications. The author also specifically notes that the aforementioned processes can also occur simultaneously, which in essence is a unique feature of the CIS countries.

Keywords: head of state, CIS countries, post-Soviet space, president, electoral qualifications, form of government.

Об авторе:

Нечкин Андрей Вадимович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, super.nechkin@gmail.com

About the author:

Nechkin Andrey Vadimovich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, super.nechkin@gmail.com

Материал поступил в редакцию 03.08.2026, принят к публикации 27.08.2026
Article received by the editorial office on 03.08.2026, accepted for publication on 27.08.2026

Во всех странах СНГ существует должность единоличного главы государства (президента) с самостоятельным конституционно-правовым статусом. В этих странах главы государств (президенты) избираются либо путем прямых выборов непосредственно гражданами (Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина), либо путем косвенных выборов (Республика Армения).

Рассматривая процедуру избрания президентов стран СНГ, в рамках данной статьи мы остановим свое внимание на требованиях, которые предъявляются к кандидатам на данную должность, — избирательным цензам. Самыми распространенными конституционно закрепленными в странах СНГ являются ценз гражданства, ценз оседлости, а также возрастной ценз. Кроме того, полагаем, что ограничения, связанные со сроком полномочий главы государства, также следует относить к числу избирательных цензов.

Длительность срока полномочий президентов в странах СНГ различна. От минимальных четырех лет в Молдове до максимальных семи лет в Азербайджане, Армении, Казахстане, Таджикистане и Туркменистане. Существуют также и средние значения в виде пяти лет в Беларуси, Кыргызстане, Узбекистане, Украине и шести лет в России. В большинстве стран Содружества сегодня существуют

и ограничения по количеству сроков для одного и того же лица. Однако данные показатели не означают, что конкретное лицо будет занимать должность президента именно упомянутое количество лет, так как это лицо может повторно переизбираться в результате конституционной реформы.

В Азербайджане и Туркменистане отсутствуют ограничения по длительности пребывания одного и того же лица в должности президента. В Таджикистане Конституцией предусмотрено, что одно и то же лицо не может быть избрано на должность Президента более двух сроков подряд, однако такого рода ограничение не распространяется на «Основателя мира и национального единства — Лидера нации», которым согласно положению особого конституционного закона является действующий Президент Таджикистана Эмомали Рахмон.

В Казахстане до недавнего времени одно и то же лицо не могло быть избрано Президентом более двух раз подряд, однако данное ограничение вплоть до конституционной реформы, состоявшейся в июне 2022 г., не распространялось на Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. По действующему Закону «О Президенте Республики Казахстан» (от 5 июня 2026 г.) одно и то же лицо может быть избранным Президентом Республики Казахстан только один раз.

В ряде стран СНГ одно и то же лицо традиционно не может занимать

должность президента более двух сроков подряд (Молдова, Узбекистан и Украина). В Российской Федерации в ходе конституционной реформы 2020 г. упомянутый выше ценз был ужесточен путем изъятия слова «подряд». На данный момент одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков.

В Кыргызстане по итогам конституционной реформы 2021 г. введена норма, согласно которой одно и то же лицо не может быть Президентом более двух сроков, а также в Беларуси по итогам конституционной реформы 2022 г., когда было установлено, что одно и то же лицо может занимать пост Президента не более двух сроков. В Армении, как и в Казахстане, одно и то же лицо может быть избрано Президентом только один раз.

Таким образом, можно констатировать, что в последнее время в государствах СНГ наметилась тенденция к ужесточению ограничений на количество возможных переизбраний на должность главы государства — допускается однократное переизбрание либо переизбрание не допускается вообще.

Ценность ограничения количества возможных переизбраний на должность главы государства была осознана в различных странах мира не сразу. Более того, изначально такое ограничение оценивалось скорее негативно, как в корне противоречащее фундаментальным идеям демократии. Однако в США еще со времен Дж. Вашингтона существовал обычай избрания президента не более чем на два срока. Некоторые страны, заимствовавшие у США институт президента, переняли и этот обычай.

Например, в Мексике возможность для одного и того же лица избраться президентом только на один срок была зафиксирована уже в Конституции 1917 г., то есть задолго до нормативного закрепления возможности не более двух президентских сроков для одного лица известной XXII поправкой к Конституции США 1951 г. В то же время

в республиканской Франции, которая традиционно (со времен Третьей республики) воспринималась многими государствами мира в качестве образцовой демократии, ограничение количества президентских сроков произошло лишь в 2008 г.

На начальном этапе своего становления новые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве, ориентировались преимущественно на американский образец и в качестве одного из базовых демократических принципов ввели в свои конституции ограничения для главы государства на повторное переизбрание (в двух вариациях — «не более двух сроков» и «не более двух сроков подряд»).

Наиболее строгие ограничения по возможности повторного избрания президента на сегодня установлены в Республике Армения и Республике Казахстан, а также в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Однако с течением времени, по верному замечанию академика РАН В. Н. Руденко, в ряде стран СНГ «выявилась ярко выраженная тенденция развития государственного строительства, состоявшая в продлении срока полномочий главы государства» [1, с. 127].

Зарубежные авторы традиционно отмечают, что среди всех ограничений на президентскую власть, вероятно, наиболее эффективны установления, запрещающие переизбрание после двух сроков [2, с. 56]. Эта позиция нашла отражение в докладе «Ограничение сроков полномочий. Часть I — Президенты» Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) в 2018 г., где было указано, что «если президент не имеет шансов быть переизбранным немедленно, у него не будет стимула создавать поддерживающие его структуры и подавлять оппозицию».

Авторы из стран СНГ в основном не соглашались с подобной точкой зрения. Так, например, Б. А. Майлыбаев, отмечает, что в Республике Казахстан «все еще существует необходимость совмещать

“поколенческий” и “выборный” циклы, поэтому ограничивать президентство какими-либо сроками не обязательно, главное — обеспечить регулярное проведение демократичных президентских выборов» [3].

В классическом демократическом правовом государстве с республиканской формой правления вектор конституционного развития действительно предполагает, что один человек не должен иметь возможности пребывать в должности главы государства больше жестко установленного срока, заранее известного избирателю, в том числе в ситуации возможного переизбрания. В противном случае значительно возрастают риски утраты ряда важных атрибутов народовластия. Тем не менее в объективных исторических условиях в СНГ данный принцип подвергается определенной корректировке. Незавершившийся процесс формирования национальных элит, которые могли бы выступить в роли твердого фундамента политической системы, позволяющего гарантированно избегать масштабных кризисов и потрясений, высокий риск внешнего вмешательства во внутреннюю жизнь государств — эти факторы требуют порой более прагматичного отношения к вопросам управления государством. По мнению авторов монографии «Институт президента в странах Содружества» (2024), «есть объективные тенденции, заставляющие государства СНГ уделять пристальное внимание электоральной безопасности в ходе подготовки и организации президентских выборов: попытки расширения зон конфликтов и театров военных действий, политизация общественного мнения в цифровом пространстве» [4, с. 10].

Практика государственного строительства в странах СНГ позволяет сделать вывод о том, что вышеуказанные способы ограничения количества возможных переизбраний на должность главы государства даже в случае конституционного закрепления могут быть преодолены посредством конституционных реформ.

Предложенный Венецианской комиссией способ борьбы с подобной практикой в виде закрепления правила, что поправки, касающиеся «продления полномочий высших должностных лиц государства», в том числе и главы государства, «должны иметь силу только для будущих, а не для действующих должностных лиц», в реалиях стран СНГ также видится нерентабельным.

Для таких случаев, по нашему мнению, нужен принципиально иной подход по ограничению возможностей одного и того же лица пребывать в должности главы государства. В основу этого подхода должен быть положен принцип уменьшения срока полномочий в зависимости от количества уже реализованных сроков, а не полный запрет на переизбрание.

Что же касается требований, которые предъявляются непосредственно конституциями стран СНГ к кандидатам на должность президента, — цензам, то они неоднородны. Как было уже отмечено выше, самыми распространенными конституционно закрепленными ограничениями являются ценз гражданства, ценз оседлости, а также возрастной ценз. Следует отметить, что специализированными законами стран СНГ, посвященными порядку проведения выборов президента, могут предусматриваться и дополнительные цензы. Частые конъюнктурные изменения этих ограничений не лучшим образом сказываются на фундаментальном принципе стабильности правового регулирования и могут вызывать раздражение у рядового избирателя.

В Российской Федерации до конституционной реформы 2020 г. Президентом мог быть избран только гражданин России не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 10 лет. Среди стран СНГ данный конституционно закрепленный список требований к кандидатам на должность президента был одним из самых лояльных. В ряде стран СНГ существовали более строгие возрастной ценз и ценз гражданства; есть примеры закрепления непосредственно в конституции

языкового ценза, цензов дееспособности, необходимого уровня образования (образовательный ценз) и отсутствия судимости (ценз благонадежности).

Так, в Армении Президентом может быть избрано лицо, достигшее 40 лет, последние шесть лет являющееся гражданином только Республики Армения, постоянно проживающее в Республике Армения последние шесть лет, обладающее избирательным правом и владеющее армянским языком.

В Кыргызстане Президентом может быть избран гражданин Кыргызской Республики не моложе 35 лет, владеющий государственным языком и проживающий в республике в совокупности не менее 15 лет. Интересный опыт представляет существование в Кыргызской Республике до конституционной реформы 2021 г. предельного возраста для кандидатов на должность президента (70 лет). Однако данная норма являлась исключением на фоне общемировой практики и в условиях увеличения среднего срока жизни и развития медицинских технологий могла восприниматься неоднозначно.

Президентом Республики Молдова может быть избран гражданин, имеющий право избирать, достигший 40-летнего возраста, проживавший или проживающий на территории Республики Молдова не менее 10 лет и владеющий государственным языком. При этом Президенту не запрещается иметь наряду с молдавским иностранное гражданство, что можно наблюдать на примере Майи Санду.

Президентом Республики Узбекистан может быть избран гражданин Республики Узбекистан не моложе 35 лет, свободно владеющий государственным языком, постоянно проживающий на территории Узбекистана не менее 10 лет непосредственно перед выборами.

В Таджикистане на пост Президента может быть выдвинут гражданин Республики Таджикистан не моложе 35 лет, владеющий государственным языком и постоянно проживающий на территории Таджикистана не менее 10 последних лет.

Президентом Азербайджанской Республики на данный момент может быть избран гражданин Азербайджанской Республики, постоянно проживающий на территории Азербайджанской Республики свыше 10 лет, обладающий избирательным правом, а также не судимый за тяжкое преступление, не имеющий обязательств перед другими государствами, с высшим образованием, без двойного гражданства. При этом в Азербайджане от возрастного ценза целенаправленно отказались в ходе конституционной реформы 2016 г.

В ходе уже упомянутой конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации в конституционный текст были введены положения о том, что Президентом может быть избран гражданин России не моложе 35 лет, постоянно проживающий в Российской Федерации уже не менее 25 лет вместо прежних 10 лет.

В ряде стран СНГ дополнительно предусматривается особый ценз гражданства, который учитывает способ приобретения гражданства. В этих странах СНГ, как и в США, президентом может стать только гражданин, который приобрел гражданство в порядке филиации, то есть по рождению.

Так, в Казахстане Президентом может быть избран гражданин республики по рождению, не моложе 40 лет, свободно владеющий государственным языком и проживающий в Казахстане последние 15 лет. В Республике Беларусь Президентом может быть избран гражданин Республики Беларусь по рождению, не моложе 40 лет, обладающий избирательным правом и постоянно проживающий в Республике Беларусь не менее 20 лет непосредственно перед выборами. В Туркменистане Президентом может быть избран гражданин Туркменистана, родившийся в Туркменистане, не моложе 40 лет, владеющий государственным языком, в течение предшествующих 15 лет постоянно проживающий и работающий в Туркменистане.

Полагаем, что в конституции должен быть исчерпывающим образом

представлен полный перечень цензов, которым должен соответствовать кандидат на должность президента. Обязательными с нашей точки зрения являются возрастной ценз — для обеспечения необходимого жизненного и профессионального опыта, а также цензы оседлости и гражданства с обязательным запретом двойного и множественного гражданства — для обеспечения суверенитета государства, особенно в условиях активного применения механизмов «мягкой силы» в межгосударственных отношениях.

Наиболее строгий возрастной ценз на сегодняшний день установлен в Армении, Беларуси, Молдове и Туркменистане, а наиболее строгие цензы оседлости и гражданства предусмотрены в Беларуси и России. Причем в Российской Федерации в ходе конституционной реформы 2020 г. было конституционно закреплено правило о том, что Президентом может быть избран только гражданин Российской Федерации, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства (не распространяется на граждан Российской Федерации, ранее имевших гражданство государства, которое было принято или часть которого была принята в Российскую Федерацию в соответствии с федеральным конституционным законом, и постоянно проживавших на территории принятого в Российскую Федерацию государства или территории принятой в Российскую Федерацию части государства) либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства.

В Республике Беларусь конституционной реформой 2022 г. было закреплено аналогичное, но несколько более жесткое правило: Президентом может быть избран только гражданин Республики Беларусь, не имеющий и не имевший ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества.

Перейдем к основному вопросу — о взаимосвязи избирательных цензов и формы правления на пространстве СНГ. Традиционно в научной и учебной литературе в рамках республиканской формы правления выделяют президентскую, парламентарную и смешанную республики. Делается это, как правило, на примерах западных государств. Во всех странах СНГ принята республиканская форма правления, что прямо закреплено в текстах конституций данных государств. Однако вопрос классификации стран СНГ по общепринятым и упомянутым выше трем субформам республиканской формы правления вызывает затруднения. Основными причинами этого нами видятся следующие обстоятельства.

В ряде постсоветских стран достаточно очевиден процесс усиления роли президента государства [5, с. 247], сопровождающийся фактической несменяемостью политической власти. В Азербайджане, Беларуси, Казахстане, России, Таджикистане и Туркменистане главы государств обладают особым конституционно-правовым статусом.

Кроме того, среди стран СНГ есть примеры нормативного закрепления не просто республиканской формы правления, но и ее конкретной разновидности, не соответствующей общепринятой классификации или реальной действительности. Так, например, в Казахстане до принятия Конституции 2026 г. закреплялось наличие особой президентской формы правления. Принятие новой Конституции Республики Казахстан ситуацию кардинально не изменило, потому как теперь в ней упоминается президентская республика при одновременном полном отсутствии базовых признаков данной разновидности республиканской формы правления в конституционном тексте.

Таким образом, применительно к таким странам СНГ, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Россия, Таджикистан и Туркменистан, мы можем объективно говорить лишь о наличии у них республиканской формы правления с известной степенью гибридности, которую можно

характеризовать через особые правовые категории. Например, используя категорию «институт главы государства — национального лидера».

Под конституционно-правовым институтом «главы государства — национального лидера» можно понимать «совокупность конституционно-правовых норм, играющих обслуживающую, конкретизирующую роль относительно конституционно-правового статуса главы государства (президента), с помощью которых происходит его персонификация» [6, с. 372].

Используются ли избирательные цензы при формировании этого института?

Изучение опыта государств СНГ показывает, что изменение системы избирательных цензов происходило в основном по линии ужесточения, но с точечной либерализацией по отдельным направлениям. Однако непосредственное отношение к закреплению формы правления, предполагающей наличие «главы

государства — национального лидера», имели только те конституционные реформы, которые фактически упраздняли введенные ранее цензы по количеству президентских сроков для одного и того же лица (особняком в этом ряду в настоящее время стоит Республика Таджикистан, где для действующего Президента в 2015 г. была введена особая персональная норма). Роль прочих цензов в указанном процессе не столь очевидна и требует отдельного анализа. Предварительно можно сделать предположение, что ужесточение этих цензов в большинстве случаев продиктовано логикой противодействия внешнему воздействию на политическую ситуацию в странах Содружества. Так, авторы монографии «Институт президента в странах Содружества» отмечают, что увеличение возрастного ограничения и ценза оседлости в Республике Беларусь было обусловлено беспрецедентным уровнем иностранного вмешательства в ходе президентских выборов 2020 г. [4, с. 106].

Библиографический список

1. Руденко В. Н. Симулятивная демократия (референдум как инструмент продления срока полномочий главы государства) // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2004. № 1. С. 127–130.
2. Нуссбергер А. Ограничения президентской власти в посткоммунистических странах // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 5. С. 53–68.
3. Майлыбаев Б. А. Сроки президентства как политическая проблема // Право и политика. 2001. № 4. С. 34–38.
4. Бояшов А. С., Лешенюк О. Н., Мушкет И. И., Еременко Е. В., Амбурцев Р. А. Институт президента в странах Содружества. Санкт-Петербург: Секретариат Совета МПА СНГ, 2024. 160 с.
5. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. Москва: Юстицинформ, 2022. 484 с.
6. Нечкин А. В. Глава государства в странах Содружества Независимых Государств (сравнительное конституционно-правовое исследование): диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2023. 468 с.

References

1. Rudenko V. N. Simulative democracy (referendum as a tool for extending the term of office of the head of state). *Discourse-Pi: Scientific and Practical Almanac*, 2004, no. 1, pp. 127–130. (In Russ.)
2. Nussberger A. Limitations of Presidential Power in Post-Communist Countries. *Comparative Constitutional Review*, 2008, no. 5, pp. 53–68. (In Russ.)
3. Mailybaev B. A. Presidential Terms as a Political Issue. *Law and Politics*, 2001, no. 4, pp. 34–38. (In Russ.)

4. Boyashov A. S., Leshenyuk O. N., Mushket I. I., Yeryomenko Ye. V., Amburcev R. A. *The Institution of the President in the Commonwealth Countries*. St. Petersburg: Secretariat of the Council of the IPA CIS, 2024. 160 p. (In Russ.)
5. Avakyan S. A. *Representation in Constitutional Law: Theoretical and Practical Issues*. Moscow: Yustitsinform, 2022. 484 p. (In Russ.)
6. Nechkin A. V. Head of State in the Commonwealth of Independent States (a Comparative Constitutional and Legal Study): a dissertation for the degree of Doctor of Law. Ekaterinburg, 2023. 468 p. (In Russ.)

УДК 332.1

Модель формирования и развития креативных кластеров на территории государств — участников СНГ

Иванов О. В.^{1, 2}

Иванова О. В.^{2, 3}

¹ Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

³ АНО стратегических исследований культуры и общества «Лаборатория стратегических решений», Москва, Российская Федерация

Model for the Formation and Development of Creative Clusters in the CIS Member States

Ivanov O. V.^{1, 2}

Ivanova O. V.^{2, 3}

¹ Russian Gnessin Academy of Music, Moscow, the Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, the Russian Federation

³ Autonomous Non-Profit Organization for Strategic Research in Culture and Society
«Laboratory of Strategic Solutions», Moscow, the Russian Federation

Аннотация. В статье предложена модель формирования и развития креативных кластеров применительно к условиям государств — участников Содружества Независимых Государств. Актуальность исследования обусловлена тем, что развитие креативных индустрий все чаще рассматривается не только как направление культурной политики, но и как инструмент пространственного развития, повышения качества городской среды, поддержки малого предпринимательства и укрепления гуманитарного сотрудничества. На основе анализа кластерного подхода, концепций культурной экономики и современных документов о развитии креативных индустрий выделены особенности постсоветского контекста: значение унаследованной культурной инфраструктуры, высокая роль государства, неравномерность территориального развития, дефицит устойчивых механизмов частных инвестиций и зависимость многих инициатив от качества управления. Предложена трехкомпонентная модель, включающая условия формирования кластера, стадии его жизненного цикла и механизмы управления и поддержки. Модель апробирована на материале действующих и проектируемых кластерных инициатив России, Казахстана, Беларуси и Армении. Сделан вывод о необходимости рассматривать креативный кластер не только как объект недвижимости или совокупность резидентов, а как институционально оформленную экосистему, способную соединять культурное производство, образование, предпринимательство, городское развитие и межгосударственное взаимодействие.

Ключевые слова: креативные кластеры, креативные индустрии, СНГ, постсоветское пространство, культурная политика, региональное развитие, кластерная экосистема, культурная экономика.

Abstract. The article proposes a model for the formation and development of creative clusters adapted to the conditions of the member states of the Commonwealth of Independent States. The relevance of the study is determined by the fact that the development of creative industries is increasingly viewed not only as an area of cultural policy, but also as an instrument of spatial development, urban regeneration, support for small entrepreneurship and the strengthening of humanitarian cooperation. Based on an analysis of the cluster approach, concepts of the cultural economy and contemporary policy documents on creative industries, the article identifies the specific features of the post-Soviet context: the importance of inherited cultural infrastructure, the strong role of the state, uneven territorial development, limited mechanisms for private investment and the dependence of many initiatives on the quality of governance. A three-component model is proposed, including the conditions for cluster formation, the stages of its life cycle and the mechanisms of governance and support. The model is applied to existing and planned cluster initiatives in Russia, Kazakhstan, Belarus and Armenia. The article concludes that a creative cluster should be understood not merely as a real estate object or a set of residents, but as an institutionally organized ecosystem capable of linking cultural production, education, entrepreneurship, urban development and interstate cooperation.

Keywords: creative clusters, creative industries, CIS, post-Soviet space, cultural policy, regional development, cluster ecosystem, cultural economy.

Об авторах:

Иванов Олег Валентинович — кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой продюсерства исполнительских искусств Российской академии музыки имени Гнесиных, ведущий эксперт факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Иванова Ольга Владимировна — директор автономной некоммерческой организации стратегических исследований культуры и общества «Лаборатория стратегических решений», эксперт факультета креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

About the authors:

Ivanov Oleg Valentinovich — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of the Department of Performing Arts Production at the Gnessin Russian Academy of Music, Leading Expert at the Faculty of Creative Industries of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, the Russian Federation

Ivanova Olga Vladimirovna — Director of the Autonomous Non-Profit Organization for Strategic Research in Culture and Society «Laboratory of Strategic Solutions», Expert at the Faculty of Creative Industries of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, the Russian Federation

Материал поступил в редакцию 28.05.2026, принят к публикации 25.06.2026
Article received by the editorial office on 28.05.2026, accepted for publication on 25.06.2026

Введение

Тема креативных кластеров в последнее десятилетие заняла устойчивое место в дискурсе культурной политики, региональной экономики и пространственного развития. Мировой опыт демонстрирует разнообразие форм кластерной организации в сфере творческих индустрий: от исторически сложившихся

художественных кварталов крупных городов до целенаправленно создаваемых специализированных территорий, ориентированных на производство культурного продукта, образовательные программы, событийную деятельность, дизайн, медиа, цифровой контент и сервисы городской экономики.

Для государств — участников СНГ эта проблематика имеет особое значение. С одной стороны, страны Содружества обладают значительным культурным, образовательным и инфраструктурным наследием, которое может стать ресурсом развития креативных индустрий. С другой стороны, многие модели креативных кластеров, разработанные на материале западноевропейских и североамериканских городов, плохо переносятся на постсоветский контекст без существенной адаптации. Они исходят из иной структуры собственности, иных механизмов государственно-частного партнерства, плотности предпринимательских сообществ и большего опыта горизонтальной кооперации.

Дополнительную актуальность теме придает институционализация креативных индустрий в российской и международной повестке. На глобальном уровне ЮНЕСКО и Конференция ООН по торговле и развитию рассматривают культурные и креативные индустрии как важный ресурс устойчивого развития, занятости, международной торговли и культурного многообразия [1; 2]. В России развитие креативных индустрий закреплено в Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года и Федеральном законе от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [3; 4]. В этой ситуации креативный кластер

становится не только локальным проектом ревитализации территории, но и элементом более широкой политики развития человеческого капитала, культурной экономики и межрегионального сотрудничества.

Цель настоящей статьи — предложить авторскую модель формирования и развития креативных кластеров, учитывающую специфику государств — участников СНГ. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: систематизировать основные теоретические подходы к исследованию кластеров и креативных индустрий; выявить характеристики постсоветского контекста, значимые для образования креативных кластеров; разработать многоуровневую модель формирования и развития креативного кластера; показать возможности применения модели на материале отдельных кейсов из практики стран СНГ.

Методологической основой исследования является синтез кластерного подхода, эволюционной экономической географии, сравнительного анализа культурной политики и экосистемного подхода к креативным индустриям. Эмпирическая база включает открытые данные о действующих и проектируемых кластерных инициативах в России, Казахстане, Беларуси и Армении, материалы программных документов в области культурной политики и развития креативной экономики, а также результаты экспертного анализа практик управления культурной инфраструктурой.

Теоретические основания исследования

Концепция кластера как формы территориальной концентрации взаимосвязанных субъектов экономической деятельности восходит к классическим работам А. Маршалла о промышленных округах [5]. В современном понимании кластерный подход прежде всего связан с работами М. Портера, который рассматривал кластер как географически сконцентрированную группу взаимосвязанных

компаний, поставщиков, организаций и институтов, одновременно конкурирующих и сотрудничающих друг с другом [6]. В рамках этой логики территория выступает не только местом размещения производств, но и средой обмена знаниями, компетенциями, кадрами и предпринимательскими практиками.

Применительно к сфере креативных индустрий кластерный подход

получил дополнительное измерение. Работы Р. Флориды о творческом классе и творческих городах [7], Дж. Хоукинса о творческой экономике [8], а также программные документы ЮНЕСКО, ЮНКТАД и ОЭСР [1; 2; 9] позволяют рассматривать креативный кластер не как обычную производственную агломерацию, а как сложную культурно-экономическую среду. В ней экономическая деятельность соединяется с символическим производством, образовательными практиками, городской идентичностью, публичными событиями, цифровыми сервисами и новыми формами занятости.

Отдельное значение имеет концепция жизненного цикла кластера, разработанная в рамках эволюционной экономической географии [10]. Она предполагает, что кластеры проходят стадии возникновения, роста, зрелости, возможной стагнации или трансформации. Для креативных кластеров эта логика особенно важна, поскольку их развитие редко бывает линейным: успешная ревитализация территории может сопровождаться коммерциализацией, ростом арендных ставок и вытеснением первоначальных творческих сообществ; напротив, кризис институциональной модели может привести не к закрытию пространства, а к переформатированию его функций.

Постсоветское пространство как контекст кластерообразования

Государства — участники СНГ образуют особое пространство, в котором кластерообразование в сфере креативных индустрий определяется сочетанием общих исторических предпосылок и различных национальных моделей культурной политики. В политико-институциональном отношении постсоветское пространство неоднородно, однако для анализа креативных кластеров важно учитывать несколько устойчивых характеристик, влияющих на логику формирования таких инициатив [15].

В исследованиях культурной экономики городов подчеркивается, что культурная среда способна выступать фактором экономической специализации, социальной коммуникации и пространственной привлекательности [11]. Однако для стран СНГ этот тезис требует уточнения. Здесь креативный кластер часто возникает не только из рыночной концентрации творческих предприятий, но и из перефилирования советской культурной или промышленной инфраструктуры, из участия государства как инициатора или соинвестора, а также из попытки компенсировать разрыв между развитой системой художественного образования и недостаточно оформленным рынком творческого предпринимательства.

В российской научной традиции проблематика культуры, креативных индустрий и городского развития рассматривалась в работах Г. Л. Тульчинского, Е. Л. Игнатьевой, М. Б. Гнедовского и других исследователей [12–14]. Вместе с тем специфика постсоветского пространства в целом — не только России, но и других государств — участников СНГ — остается недостаточно систематизированной. Это обстоятельство определяет необходимость специальной модели, которая учитывает как общность историко-институционального наследия, так и различия национальных траекторий развития.

Во-первых, значимым ресурсом остается культурное наследие советского периода: сеть учреждений культуры, дворцы культуры, театры, концертные залы, музеи, библиотеки, художественные школы, профильные училища и вузы. Эта инфраструктура создает базу для развития креативных индустрий, но одновременно несет в себе ограничения. Многие объекты требуют модернизации, управленческие модели учреждений ориентированы на бюджетное финансирование, а кадровые практики не всегда

совместимы с предпринимательской логикой креативной экономики.

Во-вторых, трансформации 1990–2000-х гг. сформировали особую структуру городских пространств. В крупных городах появились недоиспользованные промышленные территории, здания бывших фабрик, складские комплексы, производственные цеха, которые могли быть перепрофилированы под культурные и креативные функции. Именно этот ресурс оказался важным для первых волн кластеризации: бывшие промышленные территории позволяли объединять выставочные пространства, мастерские, студии, образовательные программы, магазины локальных брендов, кафе и событийные площадки.

В-третьих, институциональная среда большинства стран СНГ характеризуется большой ролью государства в сфере культуры. Это не означает единообразие моделей: в одних случаях государство выступает главным инициатором и оператором, в других — соинвестором, регулятором или поставщиком инфраструктурных условий. Более корректно говорить не о директивной модели как универсальной характеристике, а о разных степенях централизации участия государства. Для креативных кластеров это обстоятельство имеет двойственное значение: государственная поддержка снижает стартовые риски, но избыточная административная зависимость может ограничивать автономию резидентов и гибкость проектного развития.

В-четвертых, для постсоветского пространства характерна выраженная территориальная асимметрия. Творческие кадры, платежеспособный спрос, образовательные учреждения и современные культурные сервисы концентрируются преимущественно в столицах и крупнейших агломерациях. Региональные города обладают значительным культурным потенциалом, но нередко испытывают дефицит устойчивых рынков, управленческих компетенций и инвестиций. В результате креативный кластер в регионе должен решать не только задачу концентрации резидентов, но и задачу формирования аудитории, локального спроса и предпринимательской среды.

В-пятых, цифровизация меняет условия кластерного развития. С одной стороны, цифровые технологии позволяют предпринимателям в творческой сфере выходить за пределы локального рынка, развивать онлайн-дистрибуцию, образовательные платформы и гибридные форматы событий. С другой стороны, цифровая среда усиливает конкуренцию, требует новых маркетинговых, правовых и продюсерских компетенций, а также повышает значение интеллектуальной собственности. Поэтому креативный кластер в условиях СНГ должен рассматриваться не только как физическая территория, но и как узел гибридной инфраструктуры, соединяющий пространство, сообщество, цифровые сервисы и каналы распространения культурного продукта.

Модель формирования и развития креативных кластеров в условиях СНГ

Предлагаемая модель включает три взаимосвязанных компонента: условия формирования кластера, стадии его жизненного цикла, механизмы управления и поддержки. Логика модели строится на предположении, что развитие креативного кластера носит итерационный, а не линейный характер. Кластер может переходить от роста к стагнации, от

институционализации к неформальному переформатированию, от локальной функции к межрегиональной или международной сети. Поэтому управленческая задача состоит не только в запуске кластера, но и в постоянной настройке баланса между культурной миссией, экономической устойчивостью, интересами резидентов и стратегиями территориального развития.

Первый компонент модели — условия формирования кластера. Для государств — участников СНГ можно выделить пять ключевых групп факторов.

Пространственный ресурс включает наличие зданий или территорий, пригодных для перепрофилирования под культурные и креативные функции, таких как бывшие промышленные объекты, исторические здания, учреждения культуры, недоиспользуемые муниципальные пространства. Значение имеют площадь, транспортная доступность, правовой режим собственности, состояние инженерной инфраструктуры, архитектурная ценность и возможность поэтапной реновации.

Человеческий капитал отражает концентрацию творческих профессионалов, выпускников профильных образовательных организаций, предпринимателей, продюсеров, дизайнеров, специалистов в области медиа и цифрового контента. Для стран СНГ особое значение имеет наличие учреждений художественного, музыкального, театрального, архитектурного и инженерно-технологического образования. Именно сочетание художественных и технологических компетенций становится основанием для появления новых гибридных направлений креативной экономики.

Институциональная среда включает правовые, административные и финансовые условия деятельности субъектов кластера: законодательство о культуре и креативных индустриях, режим поддержки малого бизнеса и некоммерческих организаций, инструменты льготной аренды, гранты, субсидии, налоговые меры, процедуры согласования событийной деятельности. Введение специального правового регулирования креативных индустрий в России показывает, что данная сфера постепенно приобретает самостоятельный институциональный статус [3; 4; 16].

Рыночный потенциал характеризует емкость культурного потребления в данной локации: наличие платежеспособной аудитории, туристического

потока, корпоративного спроса, образовательного рынка, цифровой аудитории и каналов продвижения. Для малых и средних городов этот фактор часто оказывается ограничивающим, поэтому кластерная политика должна включать не только поддержку резидентов, но и формирование спроса через события, образовательные программы, партнерство с учреждениями культуры и развитие туристической повестки.

Иницирующий субъект определяет стартовую траекторию кластера. В практике стран СНГ можно выделить три базовых типа: государственный или муниципальный инициатор, частный инвестор или девелопер, профессиональное либо гражданское сообщество. На практике чаще встречаются смешанные модели, когда государство предоставляет инфраструктурные условия, частный партнер обеспечивает операционное управление, а профессиональное сообщество формирует содержательную повестку и репутацию пространства.

Второй компонент модели — стадии жизненного цикла. На стадии протокластера происходит спонтанная концентрация творческих субъектов в определенном пространстве без устойчивой организационной структуры. Эта фаза может быть связана с низкими ставками аренды, неформальными сетями, временными событиями, мастерскими и экспериментальными форматами. Для постсоветского контекста характерно, что протокластерная стадия нередко длится долго и существует в режиме неопределенного правового и управленческого статуса.

Стадия институционализации предполагает закрепление правового статуса, появление управляющей структуры, формирование концепции развития, привлечение якорных резидентов, разработку правил взаимодействия и финансовой модели. Именно на этом этапе определяется, будет ли кластер преимущественно объектом коммерческой недвижимости, культурным центром, образовательной платформой, пространством

предпринимательской поддержки или смешанной экосистемой.

Стадия роста и консолидации связана с увеличением числа резидентов, диверсификацией функций, развитием сервисов, укреплением событийной программы, встраиванием в городскую и региональную экономику. На этой стадии возникает риск потери первоначальной творческой среды: коммерческий успех может привести к росту арендных ставок, смене аудитории и вытеснению малобюджетных участников. Поэтому необходимы механизмы сохранения баланса между коммерческой устойчивостью и культурной миссией.

Стадия зрелости и трансформации отличается устойчивой управленческой моделью и сложившейся идентичностью кластера. Вместе с тем зрелость не означает стабильности: именно на этом этапе нарастает угроза институциональной инерции. Форматы устаревают, приток новых участников ослабевает, цифровые платформы перехватывают аудиторию, а потребительские практики меняются быстрее, чем успевает обновляться кластерная среда. В этих условиях поддержание живой творческой экосистемы требует постоянных усилий: работы с резидентским сообществом, запуска образовательных и акселерационных программ, выстраивания международных партнерств и встраивания исследовательской функции в повседневную жизнь кластера.

Третий компонент модели — механизмы управления и поддержки. Механизмы координации направлены на то, чтобы разнородные субъекты кластера — учреждения культуры, малые творческие предприятия, образовательные организации, органы власти — могли работать

совместно, а не параллельно. На постсоветском пространстве это далеко не само собой разумеется: ведомственная замкнутость, конкуренция за бюджетное финансирование и слабая проектная культура остаются устойчивыми барьерами для кооперации. Преодоление этих барьеров предполагает не столько административное принуждение, сколько создание общих сервисов, коммуникационных пространств и совместных событий, в рамках которых различные акторы постепенно обнаруживают взаимный интерес к партнерству.

Механизмы поддержки включают гранты, субсидии, льготную аренду, налоговые стимулы, образовательные программы, консультационное сопровождение, помощь в продвижении и работе с интеллектуальной собственностью. В России в этой сфере значимую роль играют Фонд президентских грантов, региональные институты поддержки предпринимательства, программы развития креативных индустрий и профильные образовательные инициативы. Для других государств СНГ набор инструментов различается, но общая задача состоит в том, чтобы поддержка не подменяла предпринимательскую самостоятельность резидентов.

Механизмы развития ориентированы на долгосрочное обновление кластера. Это инкубационные программы, акселераторы, исследовательские лаборатории, международные резиденции, программы мобильности, партнерства с университетами и технологическими компаниями. Именно эти механизмы позволяют креативному кластеру выходить за пределы функции арендного пространства и становиться институтом развития культурной экономики территории.

Апробация модели на кейсах стран СНГ

Для проверки применимости предложенной модели были рассмотрены действующие и проектируемые кластерные инициативы в четырех

государствах — участниках СНГ. Задача состояла не в оценке успешности, а в том, чтобы понять, насколько модель позволяет описывать принципиально разные

траектории развития и управленческие конфигурации.

Российский кейс — дизайн-завод «Флакон» в Москве — показывает, как частная инициатива, опираясь на пространственный ресурс бывшего промышленного предприятия, способна последовательно формировать полноценную кластерную экосистему. За полтора десятилетия «Флакон» прошел путь от экспериментального освоения территории к сложной конфигурации, объединяющей резидентов, событийные форматы, городские сервисы и коммерческие функции. Одновременно этот пример наглядно иллюстрирует давление, которое коммерциализация оказывает на творческую среду зрелого кластера: удержать баланс между рентабельностью и идентичностью становится все труднее по мере роста.

Казахстанские креативные хабы Алматы демонстрируют иную логику: здесь заметно сильнее выражена роль городской политики, а сам проект изначально ориентирован на соединение культурных, предпринимательских и цифровых функций в единой точке притяжения. Это случай смешанного иницилирующего субъекта, когда публичная повестка развития креативных индустрий и задача формирования профессиональных сообществ оказываются не противоречащими друг другу, а взаимно поддерживающими [16; 17; 18].

Белорусский кейс ОК16 в Минске имеет принципиальные отличия. При наличии пространственного ресурса и активного городского творческого сообщества кластер оказался уязвим перед изменениями политико-административного контекста. Этот опыт обнажает условие, которое в благополучных институциональных

средах воспринимается как само собой разумеющееся: устойчивость кластера предполагает предсказуемость правил, горизонт долгосрочного планирования и определенный уровень взаимного доверия участников и власти [19; 20; 21].

Армянский опыт — образовательные и технологические хабы Еревана на стыке цифровых технологий, дизайна и творческого образования — указывает на особый тип кластерной динамики, при котором физическая территория перестает быть единственным структурообразующим элементом. Здесь ключевую роль играют человеческий капитал, связи внутри диаспоры и международные профессиональные сети: именно они создают ресурсную базу, которую не может обеспечить только локальный контекст. Это наблюдение потребовало расширения исходной модели за счет трансграничного измерения кластерного ресурса [22; 23; 24].

Указанные четыре случая составляют нечто большее, чем набор разных траекторий. Их сопоставление обнаруживает одну общую закономерность: ни один из факторов модели не является самодостаточным. Пространство без сообщества — объект недвижимости; сообщество без институциональных условий — явление, а не институт; государственная поддержка без предпринимательской среды производит фиктивный кластер, у которого есть вывеска, но нет экосистемы; рыночный спрос без культурной миссии со временем вытесняет творческое содержание коммерческим. Вопрос, таким образом, не в том, какой ресурс важнее, а в том, как факторы соотносятся между собой на конкретной стадии жизненного цикла.

Заключение

Понятие кластера переносится в постсоветский контекст с неизбежными потерями. В западноевропейской традиции кластер — это прежде всего экономическая концентрация

специализированных фирм, возникающая рыночным образом. В условиях СНГ этот процесс происходит иначе: кластер здесь складывается на пересечении культурной политики, городской

реновации, институционального наследия советской эпохи и локального предпринимательского сообщества — то есть в соответствии с механикой, которую рыночная модель не предусматривает. Это не частный случай отставания, а самостоятельный тип кластерной динамики, требующий собственного описания. Таков первый вывод исследования.

Во-вторых, предложенная трехкомпонентная модель — условия формирования, стадии жизненного цикла, механизмы управления и поддержки — позволяет анализировать разнообразие кластерных практик и выявлять причины их устойчивости или уязвимости. Модель может использоваться как исследовательский инструмент, как основа экспертной диагностики и как рамка для проектирования новых кластерных инициатив.

В-третьих, государственная культурная политика на постсоветском пространстве нередко тяготеет к поддержке инфраструктурно осязаемого: ремонту зданий, проведению событий, отчетным показателям посещаемости. Между тем устойчивость кластера определяется тем, что труднее измерить и сложнее администрировать: образовательной функцией, предпринимательской культурой резидентов, механизмами кооперации и способностью сообщества воспроизводить себя без постоянного внешнего импульса. Именно на это — а не на запуск

очередного события — должны быть ориентированы инструменты поддержки.

В-четвертых, кластеры стран СНГ практически не взаимодействуют между собой как институциональные субъекты. При этом общность культурного наследия, сопоставимость образовательных систем и сохраняющиеся профессиональные связи создают реальную основу для трансграничной кооперации: совместных резиденций, исследовательских программ, обмена управленческими практиками. Сегодня этот потенциал остается почти не задействованным, хотя именно на этом уровне креативные кластеры могли бы стать инструментом культурной интеграции, не требующей политического оформления.

Что касается направлений дальнейших исследований, первоочередной задачей представляется разработка системы показателей для мониторинга кластерного развития применительно к условиям СНГ. Существующие оценочные рамки ориентированы преимущественно на экономические параметры: число резидентов, занятость, выручку, заполняемость площадей. Однако формальное создание кластера и реальное формирование творческой экосистемы — это не одно и то же, и разница между ними обнаруживается именно в тех измерениях, которые пока не имеют устоявшихся метрик: культурном, образовательном, сетевом, поведенческом.

Библиографический список

1. UNESCO. *Reshaping Policies for Creativity: Addressing Culture as a Global Public Good*. Paris: UNESCO, 2022. URL: <https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en> (дата обращения: 21.06.2026).
2. UNCTAD. *Creative Economy Outlook 2024*. Geneva: United Nations, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024> (дата обращения: 21.06.2026).
3. Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р // Правительство России. URL: <https://government.ru/docs/all/136723/> (дата обращения: 21.06.2026).
4. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080136> (дата обращения: 21.06.2026).
5. Marshall A. *Principles of Economics*. London: Macmillan, 1890. 754 p.

6. Porter M. E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. No. 6. Pp. 77–90.
7. Florida R. The Rise of the Creative Class. New York: Basic Books, 2002. 404 p.
8. Howkins J. The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. London: Penguin, 2001. 256 p.
9. OECD. OECD Regions and Cities at a Glance 2022. Paris: OECD Publishing, 2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-regions-and-cities-at-a-glance-2022_14108660-en.html (дата обращения: 21.06.2026).
10. Malmberg A., Maskell P. The Elusive Concept of Localization Economies: Towards a Knowledge-Based Theory of Spatial Clustering // Environment and Planning A. 2002. Vol. 34. No. 3. Pp. 429–449.
11. Scott A. J. The Cultural Economy of Cities. London: SAGE, 2000. 245 p.
12. Тульчинский Г. Л. Менеджмент в сфере культуры. Санкт-Петербург: Лань, 2019. 544 с.
13. Игнатьева Е. Л. Экономика культуры. Москва: ГИТИС, 2006. 311 с.
14. Гнедовский М. Б. Творческие кластеры как инструмент городского развития // Экономика культуры. 2015. № 2. С. 24–33.
15. Стрежнева М. В. Постсоветское пространство: интеграция в условиях множественности порядков // Политические исследования. 2020. № 4. С. 12–27.
16. Концепция развития креативных индустрий на 2021–2025 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2021 г. № 860 // Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860> (дата обращения: 21.06.2026).
17. Как развивается креативная индустрия в Алматы // NewTimes.kz. 2025. 19 декабря. URL: <https://newtimes.kz/obshchestvo/213791-kak-razvivaetsia-kreativnaia-industriia-v-almaty> (дата обращения: 21.06.2026).
18. Фонд, хабы и платформа «e-Creative»: как в Казахстане развивают креативную экономику // Аграрная пресса Казахстана. 2025. 18 марта. URL: <https://argazeta.kz/2025/03/18/fond-haby-i-platforma-e-creative-kak-v-kazahstane-razvivayut-kreativnuyu-ekonomiku/> (дата обращения: 21.06.2026).
19. Заборский Г. Культурный хаб ОК16: «We are ok» // Bolshoi.by. 2020. 17 июля. URL: <https://bolshoi.by/persona/ok16/> (дата обращения: 21.06.2026).
20. Культурный хаб ОК16 в Минске закрывается // Афиша.tut.by. 2021. 6 января. URL: <https://afisha.tut.by/news/aneews/713996.html> (дата обращения: 21.06.2026).
21. На месте ОК16 откроется «Светофор»? // CityDog.io. 2022. 7 октября. URL: <https://citydog.io/post/ok16-svetoфор/> (дата обращения: 21.06.2026).
22. Центр TUMO готовится построить в Ереване комплекс лабораторий для внедрения научных разработок в бизнес // Sputnik Армения. 2024. 14 мая. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240514/tumo-cherez-25-goda-postroit-v-erevane-tsentr-dlya-vnedreniya-nauchnykh-razrabotok-v-biznes-75760744.html> (дата обращения: 21.06.2026).
23. Центр TUMO вошел в топ-100 новаторов в сфере образования // Armenia Today. 2024. 16 января. URL: <https://armeniatoday.am/armenia-ru/702378/> (дата обращения: 21.06.2026).
24. Папазян М. Л. Как центр креативных технологий TUMO обеспечивает подростков современным образованием // Collab.am. 2024. 27 мая. URL: <https://collab.am/projects/missiya-vypolnima-kak-centr-kreativnyh-tehnologij-tumo-obespechivaet-podrostkov-sovremennym-obrazovaniem/> (дата обращения: 21.06.2026).

References

1. UNESCO. *Re/shaping Policies for Creativity: Addressing Culture as a Global Public Good*. Paris: UNESCO, 2022. URL: <https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en> (Accessed: 21.06.2026).
2. UNCTAD. *Creative Economy Outlook 2024*. Geneva: United Nations, 2024. URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024> (Accessed: 21.06.2026).

3. On Approval of the Concept for the Development of Creative Industries and Mechanisms for Their State Support until 2030. Order of the Government of the Russian Federation dated 20.09.2021 no. 2613-r. *Government of Russia*. URL: <https://government.ru/docs/all/136723/> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
4. On the Development of Creative Industries in the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation dated 08.08.2024 no. 330-FZ. *Official Internet Portal of Legal Information*. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080136> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
5. Marshall A. *Principles of Economics*. London: Macmillan, 1890. 754 p.
6. Porter M. E. Clusters and the New Economics of Competition. *Harvard Business Review*, 1998, vol. 76, no. 6, pp. 77–90.
7. Florida R. *The Rise of the Creative Class*. New York: Basic Books, 2002. 404 p.
8. Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. London: Penguin, 2001. 256 p.
9. OECD. *OECD Regions and Cities at a Glance 2022*. Paris: OECD Publishing, 2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-regions-and-cities-at-a-glance-2022_14108660-en.html (Accessed: 21.06.2026).
10. Malmberg A., Maskell P. The Elusive Concept of Localization Economies: Towards a Knowledge-Based Theory of Spatial Clustering. *Environment and Planning A*, 2002, vol. 34, no. 3, pp. 429–449.
11. Scott A. J. *The Cultural Economy of Cities*. London: SAGE, 2000. 245 p.
12. Tulchinsky G. L. *Management in the Sphere of Culture*. St. Petersburg: Lan, 2019. 544 p. (In Russ.)
13. Ignatieva E. L. *Economics of Culture*. Moscow: GITIS, 2006. 311 p. (In Russ.)
14. Gnedovsky M. B. Creative Clusters as an Instrument of Urban Development. *Economics of Culture*, 2015, no. 2, pp. 24–33. (In Russ.)
15. Strezhneva M. V. The Post-Soviet Space: Integration under Multiple Orders. *Political Studies*, 2020, no. 4, pp. 12–27. (In Russ.)
16. Concept for the Development of Creative Industries 2021–2025. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated 30.11.2021 no. 860. *Information and Legal System «adilet»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
17. How the Creative Industry Develops in Almaty. *NewTimes.kz*, 19.12.2025. URL: <https://newtimes.kz/obshchestvo/213791-kak-razvivaetsia-kreativnaia-industriia-v-almaty> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
18. Fund, Hubs and the e-Creative Platform: How Kazakhstan Develops the Creative Economy. *Agricultural Press of Kazakhstan*, 18.03.2025. URL: <https://apgazeta.kz/2025/03/18/fond-haby-i-platforma-e-creative-kak-v-kazahstane-razvivayut-kreativnuyu-ekonomiku/> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
19. Zaborsky G. The Cultural Hub Ok16: «We Are Ok». *Bolshoi.by*, 17.07.2020. URL: <https://bolshoi.by/persona/ok16/> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
20. The Cultural Hub OK16 in Minsk Is Closing. *Afisha.tut.by*, 06.01.2021. URL: <https://afisha.tut.by/news/anews/713996.html> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
21. Will a «Svetofor» Store Replace OK16? *CityDog.io*, 07.10.2022. URL: <https://citydog.io/post/ok16-svetofor/> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
22. Tumo Center Prepares to Build a Research-to-Business Laboratory Complex in Yerevan. *Sputnik Armenia*, 14.05.2024. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240514/tumo-cherez-25-goda-postroit-v-erevane-tsentr-dlya-vnedreniya-nauchnykh-razrabotok-v-biznes-75760744.html> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
23. TUMO Center Entered the Top-100 Innovators in Education. *Armenia Today*, 16.01.2024. URL: <https://armeniatoday.am/armenia-ru/702378/> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)
24. Papazyan M. L. How the TUMO Center for Creative Technologies Provides Modern Education for Teenagers. *Collab.am*, 27.05.2024. URL: <https://collab.am/projects/missiya-vypolnima-kak-czentr-kreativnyh-tehnologij-tumo-obespechivaet-podrostkov-sovremennym-obrazovaniem/> (Accessed: 21.06.2026). (In Russ.)

УДК 332.12

Устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса государств — участников СНГ на этапе деглобализации энергетических рынков

Ткаченко С. Л.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Sustainable Development of the Fuel And Energy Complex of the CIS Member Nations at the Stage of Deglobalization of Energy Markets

Tkachenko S. L.¹

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. Энергетика является важнейшей отраслью экономики современного государства, а ее устойчивое развитие становится приоритетом в деятельности органов государственной власти внутри своих стран и на международной арене. В современную эпоху фрагментации глобального экономического пространства и формирования региональных интеграционных объединений «мягкого типа», не предусматривающих создание наднациональных структур управления, цели устойчивого развития в области энергетики могут быть реализованы только на региональном уровне. Набирающая обороты деглобализация ведет к переходу мировой энергетики от деятельности в низкобарьерной глобальной среде к разделению на региональные блоки с собственными правилами ведения бизнеса. При этом деглобализация не уничтожает полностью наследие многостороннего сотрудничества прежней эпохи, а лишь изменяет некоторые из «базовых настроек» прежней системы. К числу изменений инновационного характера, влияющих на устойчивое развитие энергетического сектора стран СНГ, мы относим появление новых платежных систем и актуализацию усилий по дедолларизации мировых финансов; соединение (объединение) национальных сетей в электроэнергетике; сотрудничество в строительстве трансграничных трубопроводов, торговле сжиженным природным газом и в безопасном транзите углеводородов к морским портам для их стабильного доступа на мировой рынок.

Ключевые слова: устойчивое развитие, деглобализация, фрагментация, региональная интеграция, энергетическая безопасность.

Abstract. Energy is a vital sector of the modern economy, and its sustainable development is becoming a priority for government bodies both within their own countries and internationally. In the current era of fragmentation of the global economic space and the formation of “soft” regional integration associations that do not provide for the creation of supranational governance structures, sustainable development goals in the energy sector can only be achieved at the regional level. Gaining momentum, deglobalization is leading to a transition in the global energy sector from operating

in a low-barrier global environment to dividing it into regional blocs with their own rules of doing business. At the same time, deglobalization does not completely eliminate the legacy of multilateral cooperation from the previous era, but only modifies some of the “basic settings” of the previous system. Among the innovative changes influencing the sustainable development of the energy sector in the CIS countries, we include the emergence of new payment systems and the actualization of efforts to de-dollarize global finance; the interconnection (consolidation) of national grids in the electric power industry; cooperation in the construction of cross-border pipelines, liquefied natural gas trade, and the safe transit of hydrocarbons to seaports for their secure access to the global market.

Keywords: sustainable development, deglobalization, fragmentation, regional integration, energy security.

Об авторе:

Ткаченко Станислав Леонидович — доктор экономических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений, руководитель магистерской программы «Дипломатия Российской Федерации и зарубежных государств» Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, s.tkachenko@spbu.ru

About the author:

Tkachenko Stanislav Leonidovich — Doctor of Economics, Professor of the Department of European Studies of the School of International Relations and Director of the Master’s Program “Diplomacy of the Russian Federation and Foreign States” of the Saint Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation, s.tkachenko@spbu.ru

Материал поступил в редакцию 04.09.2026, принят к публикации 23.09.2026
Article received by the editorial office on 04.09.2026, accepted for publication on 23.09.2026

Введение

Концепция устойчивого развития получила распространение в межгосударственных отношениях в 1980-е гг. и стала предвестником экономической глобализации [1, с. 40]. В 1987 г. в опубликованном Международной комиссией по окружающей среде и развитию (МКОСР) под председательством Г. Харлем Брундтланд докладе под названием «Наше общее будущее» утверждалось: существует множество доказательств того, что социальные и экологические последствия имеют значение и должны быть включены в модели развития, а достижение целей устойчивого развития должно рассматриваться в качестве ключевого элемента отношений современного общества, что позволит сделать экономическую деятельность более инклюзивной, целостной и интегрированной с основными человеческими ценностями [2].

Разработанная первоначально в среде ученых-экологов концепция устойчивого развития получила поддержку у представителей других отраслей науки в рамках Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмской конференции, июнь 1972 г.) [3], а также в политических и общественных кругах, поскольку отвечала сразу на несколько угроз (вызовов) своей эпохи. В 1970-е гг. крупнейшие рыночные экономики пережили затяжной спад и стагфляцию, череду валютных войн и энергетических кризисов. Государствам — членам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), возобновившим в 1980-е гг. рост на монетаристской основе, требовалась теоретическая рамка, адресованная развивающимся странам и призванная вернуть надежду на то, что у политического

будущего бывших колоний есть надежный экономический фундамент [4, с. 170]. Для этого требовалось модернизировать шаблонную и оторванную от реальных проблем мировой экономики концепцию стадий роста У. Ростоу, активно пропагандировавшуюся Вашингтоном в 1960-е гг. и провалившуюся в 1970-е гг. во всех уголках планеты, где ее брали на вооружение правительства новых суверенных государств [5]. Концепция устойчивого развития обещала странам Глобального

Юга социально-экономический рост, единые для всех государств правила ведения «экологически дружелюбного бизнеса», предполагала стабильный путь развития без революций и потрясений [6, с. 160]. Ее тремя столпами, по нашему мнению, были: 1) сохранение природы в интересах нынешнего и будущих поколений; 2) экономический рост на основе эффективного использования природных ресурсов; 3) борьба с бедностью как главный приоритет социальной политики новых суверенных государств.

Концепция устойчивого развития и энергетика

Триггером интереса международного сообщества к тематике устойчивого развития стали в первую очередь два энергетических кризиса 1970-х гг., в ходе которых возросла роль нефти и других источников энергии в мировой политико-экономической системе. В течение четверти столетия после окончания Второй мировой войны цена барреля нефти постепенно увеличивалась с 0,17 долл. США в 1946 г. до 2,7 долл. США в 1973 г. Послевоенный экономический рост в наиболее развитых странах планеты базировался на дешевой и легкодоступной нефти, без нее восстановление разрушенных экономик и построение государства всеобщего благосостояния были бы невозможны [7]. Четырехкратный рост биржевой цены на нефть в 1973–1974 гг. заставил правительства и бизнес-структуры всех государств планеты пересматривать приоритеты хозяйственной политики, и одним из новых и наиболее значимых стало энергосбережение.

Устойчивое развитие в энергетике имеет два отличных друг от друга значения. С одной стороны, под ним понимается построение энергосистемы на основе эффективных технологических решений, обеспечивающих защиту от внешних воздействий и синхронную работу энергосистемы, в том числе защиту от превышений допустимых показателей напряжения, силы тока и частоты.

С другой стороны, речь идет о поставках предприятиям и домашним хозяйствам энергии без вреда для окружающей среды на основе рачительного использования невозобновляемых природных ресурсов [8, с. 162]. Конечной целью внедрения стратегии устойчивого развития в энергетике является обеспечение бесперебойного доступа к ней всех потребителей, снижение выбросов в атмосферу и почву опасных веществ, создание новых энергосберегающих технологий и снижение потерь электричества и тепла.

На глобальном уровне такие инициативы ООН, как Цели развития тысячелетия (ЦРТ, 2000 г.) и Цели в области устойчивого развития (ЦУР, 2015 г.), были призваны сделать энергетическую проблематику предметом многостороннего сотрудничества [9]. Первая из названных программ, ЦРТ (2000–2015 гг.), была реализована в целом успешно, но к сфере энергетики она не имела прямого отношения. Что же касается второй программы, ЦУР, которая назвала энергетику в качестве одного из своих главных приоритетов (цель 7: Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех), то данная инициатива с первых месяцев реализации столкнулась с целым комплексом проблем и сейчас находится в глубоком кризисе [10].

Деглобализация энергетических рынков

Доля энергетики в ВВП государств — участников СНГ варьируется в зависимости от степени сырьевой ориентации конкретной экономики. Она достигает максимальных величин у богатых нефтью и газом Азербайджана (30–35%) и Казахстана (26–27%), но находится на минимальных значениях у государств, лишенных богатых залежей углеводородов и мощных гидро- и атомных электростанций (Армения, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан). Доля топливно-энергетического комплекса в ВВП России, достигавшая в начале нынешнего столетия уровня в 30%, в настоящее время снизилась до 13%. Совокупный объем энергетического рынка государств СНГ в широком понимании, включающего добычу, внутреннее потребление и экспорт нефти, газа, угля и электроэнергии, в денежном выражении составляет в нынешнем десятилетии от 600 до 850 млрд долл. США в год. Таким образом, энергетика является важнейшей отраслью экономики стран Содружества, а ее благополучие с точки зрения как темпов роста, так и способности обеспечить потребности других отраслей хозяйства — приоритет в деятельности органов государственной власти внутри своих стран, а также в рамках международного сотрудничества.

В государствах Мирового большинства, включая страны СНГ, в 2020-е гг. утвердилось убеждение в том, что безбарьерный мировой рынок, функционирующий по нормам «порядка, основанного на правилах» (rules-based order), отвечает интересам США и их сателлитов, но угрожает безопасности и суверенитету всех остальных субъектов международных отношений. Для поступательного социально-экономического развития нашим странам не требуются глобальные масштабы торгово-инвестиционных связей и цепочек добавленной стоимости, даже с учетом того, что в числе четырех крупнейших экономик планеты, оцениваемых по паритету покупательной способности, мы находим все

три государства РИК — Россию, Индию и Китай. Их усилиями формируется новая политэкономическая карта планеты, основанная на нормах «мягкой интеграции», приоритетами которой являются зоны свободной торговли, отказ от противоправных санкций и выдвижения политических условий при заключении экономических соглашений, в том числе в области энергетики.

Под деглобализацией энергетических рынков мы понимаем переход мировой энергетики от низкобарьерного общего пространства к разделению на региональные блоки с собственными правилами ведения бизнеса. Энергетическая отрасль развивается сегодня под влиянием таких факторов, как конфликты из-за контроля «узких мест» (Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы, Южно-Китайское море), возведения таможенно-санкционных барьеров против «чужих товаров», а также «френдшоринга», то есть переноса производства комплектующих и конечной продукции на территорию своих стран или в государства, рассматриваемые в качестве близких и надежных союзников. Гонка технологий искусственного интеллекта (ИИ) лишь ускоряет эти процессы в мировой энергетике, актуализируя технологический декаплинг, то есть целенаправленное разделение или снижение зависимости одной технологической экосистемы, страны или компании от другой [11]. К числу таких нарождающихся энергетических блоков мы относим: Российскую Федерацию и тесно взаимодействующие с ней страны СНГ; США и зависимые от них государства Западного полушария; проводящие собственную энергетическую политику Китай и Индию, которые от процесса деглобализации в энергетике скорее проигрывают, поэтому не склонны ускорять его темп; «энергетические сверхдержавы» региона Персидского залива, прежде всего Саудовская Аравия, Иран и Катар, теряющие ныне свои доминирующие позиции в нефтяной и газовой

отраслях в результате военного конфликта и блокады; энергодефицитные государства Европы и Африки, находящиеся сегодня в поиске собственного места в мировой энергетической архитектуре.

Противоречивую динамику транзита экономики планеты от глобализации к фрагментации ярко описал в ноябре 2025 г. Президент Республики Узбекистан Ш. Мерзиёев: «Масштабная трансформация мирового порядка, угрозы фрагментации глобальной экономики и обостряющиеся проблемы изменения климата, продовольственной и энергетической безопасности усилили наше стремление к консолидации. Все это требует от стран Центральной Азии еще большей сплоченности и согласованных действий» [12].

Мы считаем, что деглобализация не уничтожает полностью наследие

многостороннего сотрудничества 1980–2000 гг. в мировой энергетике, разрушенное односторонними действиями США в период второго президентского срока Д. Трампа (начиная с января 2025 г.). Нынешние усилия государств — лидеров мировой энергетики нацелены на изменение некоторых из «базовых настроек» прежней системы и сохранение тех ее элементов, которые соответствуют собственным интересам таких государств. К числу этих перемен, влияющих на устойчивое развитие энергетического сектора стран СНГ, мы относим появление новых платежных систем и наращивание усилий по дедолларизации мировых финансов; соединение (объединение) национальных сетей в электроэнергетике; сотрудничество в строительстве газопроводов и в транзите нефти к морским портам для ее доступа на мировой рынок.

Концепция устойчивого развития в практике энергетического сотрудничества СНГ

Среди основных направлений сотрудничества стран — участниц СНГ в сфере устойчивого развития можно назвать разработку модельных законов, а также межпарламентский диалог по вопросам совершенствования действующего законодательства и мониторинга правоприменения. Помимо парламентариев, в данной работе принимают участие представители правительств, региональных властей, экспертного сообщества и структур гражданского общества. 26 ноября 2021 г. МПА СНГ приняла постановление о Концепции устойчивого развития для государств — участников СНГ [13]. В документе энергетическая проблематика напрямую не затрагивается, но указанные в пункте 8 основные взаимосвязанные факторы устойчивого развития являются общими для рассматриваемых нами сфер: устойчивого развития и энергетики. Среди них выделим развитую транспортную инфраструктуру, сбалансированное пространственное развитие территорий, выгодные условия

для инвестиций, благоприятную экологическую среду.

Позитивный опыт сотрудничества по реализации положений Концепции устойчивого развития стал основой для принятия главами правительств стран СНГ 24 мая 2024 г. Концепции сотрудничества государств — участников СНГ в сфере энергетики на период до 2035 года и Плана первоочередных мероприятий по ее реализации [14]. Из восьми целей этой Концепции следует обратить внимание на две:

— переход к более эффективной, экологически чистой, ресурсосберегающей, энергоэффективной и устойчивой энергетике, в том числе путем декарбонизации и повышения экологичности энергетики государств — участников СНГ с учетом возможностей инструментов низкоуглеродного развития;

— устойчивый рост, повышение конкурентоспособности национальной экономики на основе эффективного использования энергетических ресурсов

и возможностей международной торговли энергоресурсами [14].

Устойчивое развитие предприятий ТЭК стран СНГ является составным элементом стратегии социально-экономического роста этих государств, реализуемой в рамках интеграционного сообщества. Их экономики на современном этапе сталкиваются с целым комплексом проблем и вызовов, затрагивающих добычу углеводородного сырья, его транспортировку и переработку, а также развитие иных секторов: атомной энергетики, гидроэнергетики, неуглеводородной первичной энергии (солнечной, ветровой, геотермальной, биоэнергетики).

Важно отметить, что внутренний рынок государств — участников СНГ является достаточно емким для реализации энергетических проектов любого масштаба: 3 трлн долл. США по номинальному суммарному ВВП, общая численность населения — 240 млн человек, в том числе 140 млн экономически активного населения. Научные центры и промышленные предприятия этих государств способны разработать и произвести практически любое современное оборудование, используемое в энергетической отрасли. Сотрудничество с внерегиональными государствами, прежде всего с Китаем и Индией, позволяет полностью обеспечить отрасль технологиями, решающими как задачи производства энергии, так и более широкий круг задач устойчивого развития, включая вопросы защиты окружающей среды.

Для государств — участников СНГ в рамках рассматриваемого нами круга вопросов приоритетом является приспособление либеральной и глобалистской проблематики устойчивого развития к национальным условиям, уникальным у каждого из этих государств. Положенные еще в прошлом веке в основу концепции универсальные правила и рекомендации требуют адаптации к особенностям современного этапа государственного строительства, коррекции предлагаемых целей и приоритетов. Для энергетической отрасли учет уникальных национальных особенностей имеет особое значение, поскольку именно в энергетике наиболее заметно переплетение технологических, экономических и экологических факторов, определяющих скорость и направление устойчивого развития. Страны СНГ нуждаются в притоке прямых иностранных инвестиций в энергетику, получении доступа к новейшим технологиям и для этого создают для зарубежных партнеров, заинтересованных в работе на их рынках, благоприятные правовые, налоговые и визовые режимы. Механизм гармонизации законодательства, регулирующего поведение игроков энергетического рынка, хорошо зарекомендовал себя и сейчас позволяет развивать энергетическую отрасль темпами, необходимыми для обеспечения безопасности и интенсификации экономического роста по модели устойчивого развития.

Заключение

Деглобализация энергетических рынков — долгосрочный процесс, который все более явственно определяет масштабы и формы трансграничного сотрудничества географически близких государств. По нашему мнению, в современную эпоху фрагментации глобального экономического пространства и формирования региональных интеграционных объединений «мягкого типа», не

предусматривающих создание наднациональных структур управления, цели устойчивого развития в области энергетики могут быть реализованы только на региональном уровне. Формат СНГ как интеграционного объединения близких по уровню развития и общей истории государств представляется оптимальным. Вопреки прогнозам скептиков, утверждавших, что модель устойчивого

развития может быть реализована только в рамках иерархической модели, в которой центральное место должно принадлежать США и наиболее развитым экономикам государств ОЭСР, процесс фрагментации мировой торгово-экономической системы привел к успешной адаптации отдельных экономик к новым условиям.

Государства СНГ за три с половиной десятилетия сотрудничества защитили свои социально-экономические системы от угрозы коллапса, вызванного

сокращением связей с государствами коллективного Запада. Отношения с наиболее экономически развитыми государствами ОЭСР и их компаниями сохраняются. Но они потеряли жизненно важное значение и сегодня служат лишь дополнением к возможностям, которые открываются в рамках интеграционного пространства Содружества и близких ему структур — Шанхайской организации сотрудничества, АСЕАН и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Библиографический список

1. Жизнин С. З., Тимохов В. М. Влияние энергетики на устойчивое развитие // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 11. С. 34–42.
2. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ.; под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета; предисл. Г. Харлем Брундтланд. Москва: Прогресс, 1989.
3. Цвериганашвили И. А. Стокгольмская конференция 1972 г. и ее роль в становлении международного экологического сотрудничества // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2016. № 1. С. 89–94.
4. Маджиди У. К. Эволюция системы управления окружающей средой и устойчивого развития: от кризиса к глобальным действиям // *Постсоветские исследования*. 2026. Т. 9. № 2. С. 169–180.
5. Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge University Press, 1960.
6. Долматова С. А. Устойчивое развитие в эпоху поликризиса и дезинтеграции: можно ли восстановить глобальное сотрудничество? // *Вопросы политической экономии*. 2023. № 1 (33). С. 158–172.
7. Ткаченко С. Л. Россия как энергетическая сверхдержава: история концепции // *КЛИО: Ежемесячный журнал для ученых*. 2015. № 3 (99). С. 27–33.
8. Рахимов М. А. Центральная Азия: историко-цивилизационные основы и международные отношения в контексте устойчивого развития // *Постсоветские исследования*. 2026. Т. 9. № 2. С. 159–168.
9. Ткаченко С. Л. Политическая экономия мирового развития // *Мегатренды: основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в.* / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. 3-е изд. Москва: Аспект Пресс. 2022. С. 143–162.
10. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.
11. Дегтерев Д. А., Пискунов Д. А., Еремин А. А. 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга // *Политическая экономия*. 2023. № 3. С. 20–38.
12. Мирзиёев Ш. Центральная Азия на пороге новой эпохи // *Президент Республики Узбекистан*. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8653> (дата обращения: 21.08.2026).
13. Концепция устойчивого развития для государств — участников СНГ: принята постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 26 ноября 2021 г. № 53-16 // *Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств*. URL: <https://eccis.org/document/6533> (дата обращения: 22.08.2026).

14. Концепция сотрудничества государств — участников СНГ в сфере энергетики на период до 2035 года: утверждена решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств 24 мая 2024 г. // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: <https://eccis.org/document/6926> (дата обращения: 12.08.2026).

References

1. Zhiznin S. Z., Timokhov V. M. The Impact of Energy on Sustainable Development. *World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 11, pp. 34–42. (In Russ.)
2. Our Common Future: Report of the World Commission on Environment and Development (WCED). Translated from English; ed. by S. A. Evteev, R. A. Perelet; foreword by G. Harlem Brundtland. Moscow: Progress, 1989. (In Russ.)
3. Tsverianashvili I. A. The 1972 Stockholm Conference and its Role in the Development of International Environmental Cooperation. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2016, no. 1, pp. 89–94. (In Russ.)
4. Majidi U. K. The Evolution of Environmental Management and Sustainable Development: From Crisis to Global Action. *Post-Soviet Studies*, 2026, vol. 9, no. 2, pp. 169–180. (In Russ.)
5. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge University Press, 1960.
6. Dolmatova S. A. Sustainable Development in the Era of Polycrisis and Disintegration: Is It Possible to Restore Global Cooperation? *Problems in Political Economy*, 2023, no. 1 (33), pp. 158–172. (In Russ.)
7. Tkachenko S. L. Russia as an Energy Superpower: History of the Concept. *KLIO. A Monthly Scholarly Journal*, 2015, no. 3 (99), pp. 27–33. (In Russ.)
8. Rakhimov M. A. Central Asia: Historical and Civilizational Foundations and International Relations in the Context of Sustainable Development. *Post-Soviet Studies*, 2026, vol. 9, no. 2, pp. 159–168. (In Russ.)
9. Tkachenko S. L. Political Economy of Global Development. *Megatrends: Main Trajectories of the Evolution of World Order in the 21st Century*. Ed. by T. A. Shakleina, A. A. Baykov. 3rd ed. Moscow: Aspekt Press. 2022. Pp. 143–162. (In Russ.)
10. Bobylev S. N. Sustainable Development: A Paradigm for the Future. *World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 3, pp. 107–113. (In Russ.)
11. Degtyarev D. A., Piskunov D. A., Eremin A. A. 5G Competition Between the US and China in Latin America: At the Origins of Technological Decoupling. *Polis. Political Studies*, 2023, no. 3, pp. 20–38. (In Russ.)
12. Mirziyoyev Sh. Central Asia on the Verge of a New Era. *President of the Republic of Uzbekistan*. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8653> (Accessed: 21.08.2026). (In Russ.)
13. The Concept of Sustainable Development for the CIS Member Nations: adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States on November 26, 2021, no. 53–16. *Executive Committee of the Commonwealth of Independent States*. URL: <https://eccis.org/document/6533> (Accessed: 22.08.2026). (In Russ.)
14. The Concept of Cooperation of the CIS Member Nations in the Energy Sector for the Period up to 2035: approved by the Decision of the Council of Heads of Government of the Commonwealth of Independent States on May 24, 2024. *Executive Committee of the Commonwealth of Independent States*. URL: <https://eccis.org/document/6926> (Accessed: 12.08.2026). (In Russ.)

УДК 339.9

Модель инвестиционного роста электроэнергетики государств СНГ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Онуфриева О. А.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Investment Growth Model for the Electric Power Industry in the CIS Countries: Opportunities and Challenges

Onufrieva O. A.¹

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, the Russian Federation

Аннотация. Развитие энергетического сектора экономики государств СНГ, обеспечивающее благоприятные условия для привлечения инвестиций и реализации высокотехнологичных проектов, становится одним из основных приоритетов для органов государственной власти и частного бизнеса во всех странах региона. Построенная в советский период энергетическая инфраструктура, включающая объекты генерации и электрические сети, обеспечила благоприятные условия для начального этапа реиндустриализации в государствах — участниках СНГ, позволила смягчить трудности первых лет постсоветского суверенного развития. К настоящему моменту данный потенциал практически полностью исчерпан. Перед всеми игроками электроэнергетического рынка, усиливающего разделение на национальные сегменты, но имеющего большой интеграционный потенциал, стоит задача поиска новых моделей инвестиционного роста для построения диверсифицированной и более масштабной инфраструктуры электроэнергетики, способной обеспечить сегодня и на долгосрочную перспективу новые промышленные проекты как в традиционных отраслях, так и в сфере новейших информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект.

Ключевые слова: электроэнергетика, глобализация, регионализация, долгосрочные контракты, инвестиционный рост, RAB-регулирование.

Abstract. Developing the energy sector of the CIS economies, which provides favorable conditions for attracting investment and implementing high-tech projects, is becoming a key priority for government agencies and private businesses across the region. The energy infrastructure built during the Soviet period, including generation facilities and power grids, provided favorable conditions for the initial stage of the reindustrialization in the CIS countries and helped mitigate the difficulties of the first years of post-Soviet sovereign development. Currently, this potential has been almost completely exhausted. All players in the electricity market, which is increasingly divided into national segments but has great potential for integration, are faced with the challenge of finding new investment growth models to build a diversified and larger-scale electricity infrastructure capable of supporting new industrial projects today and in the long term, both in traditional industries and in the field of the latest information and communications technologies, including the artificial intelligence.

Keywords: electric power industry, globalization, regionalization, long-term contracts, investment growth, RAB regulation.

Об авторе:

Онуфриева Ольга Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент специализированной кафедры ПАО «Газпром», проректор по стратегическому развитию и внешним коммуникациям СПбГЭУ, исполнительный директор Ассоциации выпускников, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация, ooa@unecon.ru

About the author:

Onufrieva Olga Alekseevna — PhD in Economics, Associate Professor of the Specialized Department at PJSC Gazprom, Vice-Rector for Strategic Development and External Communications at St. Petersburg State University of Economics, and Executive Director of the Alumni Association at St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, the Russian Federation, ooa@unecon.ru

Материал поступил в редакцию 10.08.2026, принят к публикации 17.08.2026
Article received by the editorial office on 10.08.2026, accepted for publication on 17.08.2026

Введение

Промышленность, сфера услуг и коммунального хозяйства стран СНГ переживают в настоящее время сложный период структурных изменений. Для создания энергетической инфраструктуры, соответствующей современному этапу социально-экономического развития, необходимы, помимо систематической работы по традиционным направлениям развития отрасли, инновационные решения, порожденные развитием ИКТ, в том числе технологий искусственного интеллекта.

Выбор Азербайджана, Казахстана, России и Узбекистана для изучения моделей инвестиционного роста в отрасли энергетики, связанной с генерацией, передачей и дистрибуцией электроэнергии, объясняется репрезентативностью энергетической структуры этих стран (в которую входят производство, потребление, экспорт и импорт) и значительным опытом взаимодействия власти и бизнеса в рассматриваемой сфере.

Высокой степенью самодостаточности, по нашему мнению, обладают электроэнергетические отрасли Азербайджана и России: Казахстан и Узбекистан, даже несмотря на значительные масштабы добычи угля, нефти и газа (особенно в Казахстане), остаются странами,

которым требуются чрезвычайные усилия для развития электроэнергетики. Для этих государств сохраняется актуальность импорта электроэнергии в пиковые часы, а также в осенне-зимний период.

Закон Азербайджанской Республики «Об электроэнергетике» был принят 11 апреля 2023 г. и вступил в силу в 2024 г. [1] Он направлен на либерализацию в 2024–2028 гг. энергетического рынка, внедрение свободной конкуренции и поэтапный отход от государственного субсидирования. Предусматривается равноправный диалог власти и бизнеса, прежде всего за счет создаваемого независимого системного оператора для оптимизации работы оптового рынка электроэнергии Азербайджана.

Закон Республики Казахстан «Об электроэнергетике» был принят в июле 2004 г. и носил ярко выраженный либеральный характер. Его нормы определили основы производства, передачи и потребления энергии, а также ценообразования на базе конкуренции производителей электроэнергии. В документ неоднократно вносились изменения. Например, Законом Республики Казахстан от 12 ноября 2015 г. № 394-V

ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты в области электроэнергетики» в 2019–2023 гг. вместо конкуренции региональных производителей была введена модель Единого закупщика услуг по поддержанию готовности электростанций (с 2019 г.) и централизованная покупка самой электрической энергии (с 2023 г.). В условиях выявившейся нехватки электроэнергии данная модель проходит через период трансформации, в процессе которой предполагается расширение использования природного газа из Российской Федерации, а также привлечение в электроэнергетику зарубежных технологий и прямых иностранных инвестиций, в том числе в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) [2, с. 7].

Наиболее проблемная ситуация из тех, что сложились в рассматриваемых нами государствах, наблюдается в электроэнергетике Узбекистана. Это государство традиционно было энергоизбыточным, поскольку обладало значительными запасами природного газа и на нем основывало электрогенерацию. Но продолжающееся многие годы снижение добычи газа, почти двукратный рост населения после обретения суверенитета в 1991 г., а также масштабная программа индустриализации экономики страны привели электроэнергетику

Узбекистана в кризисное состояние, побуждающее некоторых экспертов говорить о необходимости не отдельных реформ, а полномасштабной программы развития электроэнергетики по модели ГОЭЛРО-2 [3].

Электроэнергетика Российской Федерации за прошедшие три с половиной десятилетия пережила череду кардинальных реформ, которые стали образцом для многих соседних государств, в том числе рассматриваемых в нашем исследовании [4]. Данные о выработке электроэнергии показывают, что начало специальной военной операции в феврале 2022 г. не повлекло за собой стагнации в развитии этого сектора. Напротив, увеличение производства электроэнергии сопровождается в России интенсивной дискуссией относительно новых форм взаимодействия государства и бизнеса, необходимости практического учета как быстро меняющейся ситуации на мировых рынках, так и роста значения отдельных регионов страны в общей стратегии развития электроэнергетики. Это особенно справедливо для Сибири, регионов Арктической зоны и тихоокеанских районов, где электроэнергетика сталкивается с наиболее заметными вызовами, имеющими стратегическое значение для всей российской экономики.

Табл. 1. Выработка электроэнергии в некоторых государствах — участниках МПА СНГ (в млн кВт·ч)

Государство	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Азербайджанская Республика	28 988	29 276	28 394	28 657
Республика Казахстан	112 866	112 820	117 900	118 000
Российская Федерация	1121600	1138 000	1196900	1194 000
Республика Узбекистан	74 300	78 000	81290	86700

Составлено автором по данным Министерства энергетики Азербайджанской Республики, Министерства энергетики Республики Казахстан, Министерства экономического развития Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики, Министерства энергетики Республики Узбекистан за 2022–2025 гг.

Электроэнергетика в период рыночных реформ: новые приоритеты развития

Во всех государствах — участниках СНГ в 2020-е гг. отмечается рост потребления электроэнергии. При этом перед структурами госуправления стоит задача найти в сфере электрогенерации разумный баланс между углеводородным сырьем, ГЭС, АЭС, а также ВИЭ. В то же время требуется обеспечить устойчивое равновесие между увеличивающимися объемами инвестиций в энергетику и поддержанием конкурентоспособности реального сектора экономики, а также соответствующего современным стандартам уровня потребления домашних хозяйств. О степени эффективности предпринимаемых мер свидетельствуют стоимость киловатт-часа электроэнергии и возможность получить на рынке искомые резервы мощности в случае возникновения такой потребности.

Используемая в рассматриваемых нами государствах модель инвестиционного роста электроэнергетики характеризуется применением RAB-регулирования (Regulatory asset base — регулируемая база активов). По своему содержанию это метод долгосрочного расчета тарифов на услуги монополий, стремящихся

обеспечить возврат вложенных капиталов; при этом особое внимание уделяется показателю доходности осуществленных инвестиций. Обращение к RAB-регулированию предполагает привлечение в электроэнергетику государственных субсидий, а также использование продвинутых форм государственно-частного партнерства. На практике они выражаются в утверждении тарифов на долгий срок (в среднем на пять лет) и экономии компаний-инвесторов от снижения затрат (в течение периода RAB-регулирования сэкономленные средства остаются у игроков рынка, а не изымаются в интересах государственного бюджета). Использование указанных выше инструментов направлено на поддержание баланса между ростом тарифов на электроэнергию и окупаемостью проектов по строительству генерирующих и передающих мощностей. Проекты в данной сфере неизбежно имеют долгосрочный характер, а потому нуждаются в государственных гарантиях.

На примере Российской Федерации, реализующей с января 2025 г. Генеральную схему размещения объектов

Табл. 2. Стоимость киловатт-часа электроэнергии
в некоторых государствах — участниках МПА СНГ
(в местной валюте и в российских рублях; при расчетах использовался
среднегодовой показатель обменных курсов валют к российскому рублю)

Государство	Стоимость кВт-ч электроэнергии (диапазон цен в течение 2025 г.)
Азербайджанская Республика	4,13–7,37 рублей (8,4–15 гяпиков)
Республика Казахстан	2,88–6,08 рублей (18–38 тенге)
Российская Федерация	5,90 рублей
Республика Узбекистан	4,02–13,4 рублей (600–2000 сумов)

Составлено автором по данным Электроэнергетического Совета СНГ (<http://energo-cis.ru/>), а также Центрального банка Российской Федерации за 2025–2026 гг.

электроэнергетики до 2042 года, можно получить представление о возможностях и вызовах, с которыми неизбежно столкнутся ее партнеры по СНГ [5]. Главное наблюдение состоит в том, что предусмотренные схемой затратные инвестиционные планы, положенные в основу многолетних проектов развития электрогенерации и транспортировки, нереалистичны без заранее согласованного существенного роста стоимости электроэнергии. Так, в России он составит к 2030 г. 63%. В нынешних условиях это означает, что запланированный Правительством Российской Федерации рост цен на электроэнергию не только станет основным источником финансовых средств, обеспечивающих устойчивость инвестиционных программ, но и превратится в один из главных драйверов инфляции, угрожающей социально-экономической стабильности в сложный период структурных реформ.

Изучение дискуссии в российском экспертном сообществе относительно финансовых параметров развития национальной электроэнергетики показывает, что административными мерами невозможно нейтрализовать влияние внешних по отношению к отрасли факторов [6]. В их числе:

- дорогое заемное финансирование, используемое действующими в отрасли игроками для осуществления масштабных инвестиций в генерацию;

- рост издержек производства, вызванных технологическими санкциями коллективного Запада и необходимостью любой ценой реализовать программы

локализации применяемого в генерации, передаче и накоплении электроэнергии оборудования;

- острая потребность в обновлении энергетической инфраструктуры, модернизации созданного во времена СССР сетевого хозяйства, устаревшего как физически, так и функционально.

Зачастую в новых районах ускоренного экономического роста (таких как Сибирь, регионы Арктической зоны и тихоокеанские районы России, густонаселенные области Узбекистана и южного Казахстана, Карабах и районы западного Азербайджана) резко увеличивается спрос на электроэнергию, изменяются его структура и пространственная локализация. Промышленность, строительство и другие отрасли экономики сталкиваются с невозможностью оперативного удовлетворения потребностей в электроэнергии в запрашиваемых объемах. Формальное решение проблемы может быть предложено в виде диалога ключевых стейкхолдеров, заинтересованных в развитии промышленности и других отраслей.

При этом универсальной формулы, которой должен следовать этот диалог, не существует в силу ряда причин: накопленных за предыдущие исторические периоды дисбалансов; воздействия внутриполитических процессов, включая электоральные; угрозы внешних шоков, наиболее опасным из которых является новая волна энергетического кризиса, вызванного войной в Персидском заливе (2025–2026 гг.) и способного по масштабам превзойти предыдущий кризис 2021–2022 гг.

Модель инвестиционного роста: опыт Российской Федерации

Учитывая указанные выше сложности выработки конкурентоспособной модели инвестиционного роста в электроэнергетике, обратим внимание на имеющийся у Российской Федерации опыт в двух сферах.

Во-первых, это перераспределение резервов сетевой мощности, созданной

в предыдущий временной период, по действующим в России моделям и стандартам технологического присоединения. Зачастую эти резервы используются потребителями (энергопринимающими структурами) лишь на 10%, хотя владельцы данных резервов сохраняют право на все гарантированные им объемы

и возражают против перераспределения мощностей в пользу других нуждающихся компаний.

В экспертном сообществе России обсуждаются идеи разработки механизмов перераспределения неиспользуемых электроэнергетических ресурсов на онлайн-площадке крупной энергетической компании ПАО «Россети», а также создания нормативной базы для заключения и верификации сделок, которые позволят определять рыночную стоимость перераспределяемых мегаватт сетевой мощности. Таким образом, предполагается создать возможности для более эффективного использования имеющихся резервов и уменьшения потребности в строительстве новых инвестиционно емких генерирующих мощностей. Отсутствие гибкости в передаче права использования резервных мощностей, влекущее за собой тяжелые экономические последствия, отмечается во всех рассматриваемых нами государствах, а в июле 2026 г. оно стало одной из причин снятия Президентом Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёевым с должности Министра энергетики Республики Узбекистан Ж. Мирзамахмудова [7].

Во-вторых, это расширение возможностей инвесторов по строительству собственных объектов электрогенерации в энергодефицитных районах. В Российской Федерации речь идет прежде всего о Дальнем Востоке и Центральной России, где несколько крупных металлургических, нефтехимических и газохимических проектов не реализуются ввиду отсутствия доступных энергетических мощностей и невозможности для частного бизнеса совместно с региональными властями быстро изменить ситуацию, если продолжать действовать в рамках реализуемых правительственных программ. Один из возможных путей решения задачи — разрешение крупным промышленным предприятиям, у которых есть ясное представление об объемах электроэнергии, необходимых для развития своего бизнеса, а также имеются свободные финансовые ресурсы,

возводить собственные объекты генерации электроэнергии. При выполнении определенных российским законодательством условий такие компании могли бы также продавать возникающие у них избыточные объемы электроэнергии на оптовом рынке с заранее согласованной нормой доходности. Привлекательность данной модели инвестиционного роста электроэнергетики в том, что компании-потребители смогут получать электроэнергию по ценам, близким к себестоимости ее производства, без надбавок, используемых в России при заключении договоров о предоставлении мощности, а также без так называемой сетевой составляющей, то есть без платы за передачу электроэнергии по сетям, сбытовой надстройки и различных инфраструктурных платежей, доходящих в отдельных случаях до 30–50% стоимости киловатт-часа для потребителей. Действующие в России регламенты ограничивают собственную генерацию непрофильными компаниями лимитом в 25 мегаватт, и это является сдерживающим фактором для реализации крупных промышленных проектов, особенно в условиях высокой процентной ставки на российском денежном рынке и отсутствия возможности привлечь значительные внутренние или иностранные инвестиции в российскую электроэнергетику.

Еще одним вариантом решения инвестиционных проблем электроэнергетики в государствах СНГ может стать применение механизма *take-or-pay*, то есть законодательное подтверждение правомочности долгосрочных контрактов, по которым покупатели обязаны оплачивать минимально согласованный объем электроэнергии вне зависимости от того, потребили они его на практике или нет. Широкое распространение таких контрактов, особенно в энергодефицитных районах, создаст для инвесторов искомые ими гарантии реализации капиталоемких проектов, рассчитанных на долгий срок (более 10 лет). Конечно, успех данной инициативы будет возможен только в том случае, если потребители получат

фиксированные на срок реализации проектов или предсказуемые в своей динамике условия применяемых тарифов, равно как и гарантии того, что генерирующие компании в будущем смогут обеспечить дальнейший рост потребляемых мощностей на примерно аналогичных условиях.

Наконец, у изучаемых нами государств, прежде всего у Казахстана и России, есть потенциал для расширения функционала имеющихся сырьевых бирж за счет внедрения в торговый оборот фьючерсов на торговлю энергоресурсами по фиксированным ценам. В случае реализации этих планов отрасль электроэнергетики сможет привлечь в свое развитие финансовые ресурсы, которые при условии системной работы со всеми игроками рынка могут быть трансформированы в инвестиции. Практически все государства — участники СНГ находятся под прямым или косвенным

воздействием западных санкций. Компании и финансовые институты этих государств вынуждены работать в условиях санкционного комплаенса — системы внутренних норм и правил компании, которые учитывают санкционные требования к стране-мишени (России) и действуют таким образом, чтобы снизить риски нарушения противозаконных санкционных ограничений, способных нанести ущерб бизнесу или даже уничтожить его [8, с. 93]. Биржевая торговля фьючерсами открывает возможность формирования инвестиционного потока в электрогенерацию в сложных геополитических условиях, когда зарубежное финансирование для российских компаний является невозможным, а для их партнеров в других странах СНГ — затруднительным, поскольку неизбежно будет сопровождаться выдвижением политических требований, продиктованных санкционной логикой.

Заключение

Во всех рассматриваемых нами четырех государствах издержки по обеспечению национальной экономики электроэнергией в конечном счете возложены на крупных потребителей и в меньшей степени — на компании малого и среднего бизнеса.

Вызовом для органов государственной власти в их стратегии развития электроэнергетики должно стать преодоление этой неблагоприятной в долгосрочной перспективе ситуации. По нашему мнению, структуры законодательной и исполнительной власти должны внедрять более равномерное распределение издержек между всеми игроками рынка, включая коммунальные структуры и домашние хозяйства. Создание крупными энергопотребителями собственной генерации, на первый взгляд, выглядит в настоящее время шагом объективно необходимым и выгодным. Но в более долгой перспективе развитие этой практики следует сдерживать или увязывать

с государственными программами развития национальной электроэнергетической системы, в рамках которой излишки торгуются на открытом рынке и не происходит распада единого энергетического пространства с выделением автономных сегментов, не подверженных контролю со стороны правительственных структур. Интересам даже самого крупного бизнеса, способного развивать собственную генерацию, соответствует сохранение доступа на единый энергетический рынок государства, поскольку такая возможность создает дополнительные возможности для стабильного расширения бизнеса.

Возможности стратегии инвестиционного роста электроэнергетики связаны с налаживанием диалога основных стейкхолдеров рынка: национальных правительств и региональных властей, бизнес-сообщества, центральных банков, а также структур, регулирующих в своих странах банковскую и биржевую

деятельность. В своих усилиях по привлечению инвестиций в электроэнергетику указанные структуры могут использовать: налоговые льготы крупным энергопотребляющим проектам (на этапе начала их реализации); перераспределение мощностей, зафиксированных в прежние периоды и потерявших свою

релевантность в связи с технологическими инновациями; разработку нормативной базы для развития собственной электро- и теплогенерации крупным частным бизнесом; меры по поддержке использования механизма take-or-pay и фьючерсов на энергоресурсы.

Библиографический список

1. Закон Азербайджанской Республики от 11 апреля 2023 г. № 858-VIQ «Об электроэнергетике» // Информационная система Республики Казахстан «Параграф». URL: https://prg.kz/document/?doc_id=37901218 (дата обращения: 31.07.2026).
2. Ткаченко С. Л. Газовый союз России, Казахстана и Узбекистана: региональный и евразийский контекст // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2 (146). С. 7–12.
3. Панфилова В. Энергетика Узбекистана не выдерживает нагрузок. Новые электростанции не спасают страну от аварий, потерь и дефицита газа // Независимая газета. 2026. 28 июля. URL: https://www.ng.ru/cis/2026-07-28/5_9547_uzbekistan.html (дата обращения: 01.08.2026).
4. Стенников В. А., Головщиков В. О., Осад А. Б. Проблемы и перспективы развития электроэнергетики в восточных регионах России // Энергетическая политика. 2023. № 6 (184). С. 20–37.
5. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2042 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4153-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rwf9Akjf5FwAnustDEL2m7PEvZ26i7k3.pdf> (дата обращения: 28.07.2026).
6. Тихонов С. Энергостратегия РФ до 2050 года: как будет развиваться российская энергетика и как документ оценивают эксперты // Российская газета. 2025. 15 апреля. URL: <https://rg.ru/2025/04/15/rasti-eshche-hot-chetvert-veka.html> (дата обращения: 26.07.2026).
7. Президент Узбекистана сменил главу Минэнерго за недостатки в работе отрасли // Информационное агентство «Интерфакс». 2026. 27 июля. URL: <https://www.interfax.ru/world/1105870> (дата обращения: 01.08.2026).
8. Ершова И. В., Енькова Е. Е. Санкционный комплаенс, или внутрифирменное управление рисками от рестрикций // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 93–103.

References

1. Law of the Republic of Azerbaijan dated April 11, 2023, No. 858-VIQ «On Electric Power Industry». *Information System of the Republic of Kazakhstan «Paragraph»*. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=37901218 (Accessed: 31.07.2026). (In Russ.)
2. Tkachenko S. L. Gas Union of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan: Regional and Eurasian Context. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*, 2024, no. 2 (146), pp. 7–12. (In Russ.)
3. Panfilova V. Uzbekistan's Energy Sector Cannot Handle the Load. New Power Plants Do Not Save the Country from Accidents, Losses and Gas Shortages. *Nezavisimaya Gazeta*, July 28, 2026. URL: https://www.ng.ru/cis/2026-07-28/5_9547_uzbekistan.html (Accessed: 01.08.2026). (In Russ.)
4. Stennikov V. A., Golovshchikov V. O., Osak A. B. Problems and Prospects for the Development of Electric Power Industry in the Eastern Regions of Russia. *Energy Policy*, 2023, no. 6 (184), pp. 20–37. (In Russ.)
5. *General Plan for the Placement of Electric Power Facilities until 2042*. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2024, no. 4153-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rwf9Akjf5FwAnustDEL2m7PEvZ26i7k3.pdf> (Accessed: 28.07.2026). (In Russ.)

6. Tikhonov S. Energy Strategy of the Russian Federation until 2050: How the Russian Energy Sector Will Develop and How Experts Evaluate the Document. *Rossiyskaya Gazeta*, April 15, 2025. URL: <https://rg.ru/2025/04/15/rasti-eshche-hot-chetvert-veka.html> (Accessed: 26.07.2026). (In Russ.)
7. The President of Uzbekistan Replaced the Head of the Ministry of Energy for Shortcomings in the Industry. *Interfax News Agency*, July 27, 2026. URL: <https://www.interfax.ru/world/1105870> (Accessed: 01.08.2026). (In Russ.)
8. Ershova I. V., Enkova E. E. Sanctions Compliance, or Internal Management of Risks from Restrictions. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 8, pp. 93–103. (In Russ.)

